

Рисунки Ю. МАКАРОВА

ВАХТА

„АРАМИСА“

Фантастическая повесть

I. НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Был конец августа, когда не пала еще на траву непрозрачная бисерная изморозь, но уже отовсюду, и вдоль и поперек, тянулись ощутимые лишь руками да лицом — когда попадут невзначай — паутинки, накрученные и на-верченные по всему лесу толстопузыми травяными паучками. В лесу было прохладно и несолнечно, но не было еще в природе той щедрой, разгульной пышности, когда каждое дерево в неумном стремлении догореть раньше всех полыхает самой буйной, самой звенящей рыжестью. Увядание еще не пришло, но в чем-то невидном и неслышном сквозила тихая грусть примирения с грядущим этим увяданьем.

Тропинка выходила на опушку. Ираида Васильевна задержала шаг и свернула правее, где сбегали с поросших сосною невысоких холмов серебристые оползни оленьего мха. Но внизу, в ольшанике, темнела канава, полная до краев зеленоватой кашицы ряски.

Ираида Васильевна кротко вздохнула и вернулась на тропинку.

За спиной безмятежно, по-весеннему, запела малиновка. Был конец августа, вечерело, и никто еще не догадывался о том, что скоро случится.

Печатается в сокращении.

Тропинка привела Ираиду Васильевну к самому краю футбольного поля, где, как на моментальной стереофотографии, застыли в самых неожиданных позах металлостовые фигуры кибер-игроков, а в самом центре кучка мальчишек разрешала какой-то игровой конфликт.

— Митя-а! К тебе мама пришла-а! — раздался звонкий голос.

Митька сожалительно посмотрел на мяч и, махая на бегу запасному: подай, мол, за меня, раз тебе такое счастье, — помчался к опушке, где терпеливо стояла Ираида Васильевна.

— Что? Уже? — спросил он, переводя дух и поматывая головой.

— Отдышись... Уже.

— С нашей взлетной? Лагерной?

— С вашей, сынуля. С вашей.

— Я тебя провожу, а?

— Спросись только.

— Я знаю — можно.

На взлетной было пусто — вечерний рейсовый мобиль еще не прибыл. По площадке лениво трусил Квантик, приبلудный дворняга чистейших кровей. А у самой бетонной стенки, бросив на траву невероятно яркий плащ, лежала невероятно большая женщина с копной невероятно черных, отливающих синевой волос.

— Тетя Симона! — крикнул мальчик и побежал к ней.

Симона подняла руку, и помахала ему, и, глядя не на него, а над собой, на кончики своих пальцев, которые летали вверх от одного облака до другого, так же звонко крикнула в ответ:

— Салюд, ребенок!

Митька плюхнулся рядом с ней и вытянул ноги.

— Ну и как? — спросила Симона, закидывая руки за голову.

— А все так же, — сердито отозвался Митька. — Второго судью за эту неделю. И все пятый «Б».

— Умелые руки. Ну, а вы?

— Мы — ничего. Мы не портим. Мы же знаем, сколько труда нужно затратить, чтобы создать один такой кибер, — важно проговорил мальчик и косо глянул на Симону, ожидая, что похвалят.

— Фантазии у вас не хватает, вот что, — сказала Симона. — Явление тяжелое и в наши дни — редкое. Добрый вечер, Ираида Васильевна. Садитесь.

Ираида Васильевна кивнула, но на траву не села — было сыровато или просто постеснялась. Митька, опустив голову, запихивал травинки в дырочки сандалий.

— Ничего не не хватает, — сказал он хмуро. Симона засмеялась. — Просто мы не хотим.

— Митя, не трогай руками сандалики, — заметила Ираида Васильевна.

Митька сердито глянул на мать и подтянул колени к подбородку.

— Ну, а вы? — спросил он с вызовом. — Ну, а вы-то? Когда были в пятом?

«Задира», — подумала Симона и тоже села, так что получи-

лось — нос к носу. Митька смотрел на нее в упор своими чуть раскосыми, как у матери, сердитыми до какой-то зеленоватой черноты глазами.

«Какие странные, совсем не славянские типы лица встречаются иногда у этих русских, — думала Симона, глядя на мальчика. — Этот неуловимый взлет каждой черты куда-то к вискам... Это от тех, что шли великой войной на эту страну около тысячи лет тому назад и маленькими смуглыми руками хватали за косы больших русских женщин... А этот мальчик взял от тех диких кочевников только самое лучшее, потому что если природа хранит и передает из поколения в поколение какие-то черты, то лишь потому, что они стоят этого».

Митька дрогнул ноздрями, нетерпеливо засопел. Рассказать бы этому дикаренышу...

— Честно говоря, — проговорила Симона, — я не помню толком, что было именно в пятом. Помню только наш город. Нант. Проходил? Летний полосатый город, весь в тентах и маркизах. — Симона снова улеглась на спину, полузакрыла глаза и стала смотреть на небо сквозь длинные прямые ресницы. — Вот сказала тебе: Нант, и сразу все небо стало полосатым — такие бледные желтые и чуть голубоватые полосы... Подкрадется кто-нибудь, дернет за шнурок — и все эти полосы начнут медленно-медленно падать на лицо...

— Тетя Симона, — сказал мальчик, — вы не хотите улетать с Земли, да?

Симона быстро посмотрела на него.

— А ты знаешь, что такое — улететь?

— Это значит — подняться в воздух.

— И нет. Это значит сказать: «Ну, поехали», — и больше не быть на Земле. А ты знаешь, что такое — Земля?

Мальчик посмотрел на нее. Симона раскинула руки и набрала полные горсти травы; трава, смятая сильными ладонями, терпко и непонятно запахла.

— Знаю, — сказал Митька и еще раз посмотрел на нее — до чего же огромная, как две мамы сразу. — Земля — это очень-очень большое, но все-таки «Арамис» — это не Земля.

Симона усмехнулась.

— Знает, — она поднесла ладони к глазам — трава оставила резкие белые и красные полосы. — Ну, а самое главное: что такое — хотеть?

Митька смотрел круглыми глазами и молчал.

Ираида Васильевна испытывала какое-то мучительное ощущение, как будто эта женщина делала с ее сыном что-то не приятное у людей, словно она поставила его голышом на свою огромную ладонь и не то сама рассматривает, не то показывает его самому себе в зеркало.

— Ну ладно, — сказала Симона примирительно, угадывая мысли Ираиды Васильевны. — Не знаешь — потом узнаешь. А улетать с Земли мне действительно не хочется: уж больно она громадная, не везде порядок. Вот приложить бы руки...

— Как это — не везде порядок? — подскочил Митька. — Ведь в Америке и то социализм.

— Нет там еще социализма, — спокойно сказала Симона. — В этой стране вообще любили по части лозунгов несколько забе-

гать вперед. Например, провозгласили всеобщее равенство, а сами потом еще два столетия негров вешали, пока не вспыхнула негритянская революция. А знаменитая демократия... Словом, про социализм это только они сами говорят. Нет там его. Пока.

— Значит, скоро революция? Вот здорово! Я бы хотел — добровольцем! Только ведь не пустят...

— Вот не могу тебе пообещать определенно. Но ты не горюй — мы ведь еще до звезд не добрались. Пока только свою солнечную приводим в порядок. А представляешь себе, сколько проблем прибавится, когда свяжемся с другими планетами? Ведь там еще столько революций впереди! Прилетишь к каким-нибудь таукитянам или альфаэриданцам — а у них рабовладение. Или первобытное общество.

— Как у наших венериан?

— Вот, вот. Только Венера, наверное, теперь уже обойдется без революций.

— Жалко, — вырвалось у Митьки.

— Жалко, — согласилась Симона. — Такое удовольствие — подраться, когда это официально разрешается.

Ираида Васильевна закашляла.

— Мама, — сказал Митька, — ты не волнуйся, я же понимаю, что тетя Симона все шутит.

— Ну и последний вопрос: сколько будет пятью пять?

— Это как посмотреть, — сказал Митька, потому что этой тете нельзя было отвечать, как в школе. — Если в десятичной системе и на Земле, то двадцать пять.

Симона опять рассмеялась.

— А в другой галактике? На Сенсерионе, скажем?

— Это надо подумать, — солидно сказал Митька.

— Ну вот, — Симона сделала руками: «ну вот», — ему надо подумать, а вы все чего-то боитесь. И вообще мобиль летит. Она легко поднялась.

— Ну, сынуля... — сказала Ираида Васильевна и, опустив руки, вся как-то наклонилась и подалась вперед.

Митька простодушно повис у нее на шее, чмокнул где-то возле уха. Потом смутился и боком-боком пошел к Симоне.

— Ну, человеческий детеныш, следи тут без нас за Землей, чтобы порядок был. А до венериан мы с тобой еще доберемся... Кстати, какое банальное название — «венериане». Придумали бы что-нибудь пофантастичнее.

— Венеряки, — сказал Митька и фыркнул.

— Было, — отпарировала Симона. — И венеты — было. Венерианцы — вообще не идет.

— Венякий, — предложил Митька. — Венусяки. Веники.

— О! — сказала Симона. — Проблеск имеется, — и тихонечко скосила глаза на Ираиду Васильевну — та стояла, полувзакрыв глаза, и лицо ее приняло такое скорбное выражение, что Симона чуть было не фыркнула совсем по-Митькиному.

— И-нер-ти-ды, — по слогу произнес Митька, тоже поглядевший на мать и сразу же ставший серьезным. — Это потому, что они инертными газами дышат.

— Кто тебе сказал эту глупость? — устало проговорила Ираида Васильевна. — Венериане, как и мы, дышат кислородом. Инертные газы не могут участвовать в процессе обмена веществ.

— Неинтересно, — со вздохом проговорил Митька.

Симоне стало как-то обидно за него и за венериан вместе. Она протянула мальчику широкую, все еще в белых и розовых полосочках ладонь.

— Не горюй, тем более что с этими инертными газами и в самом деле что-то нечисто. Американцы сейчас над этим бьются. Не исключено, что и откроют что-нибудь интересное. Ну, салют.

Митька благодарно взглянул на нее и тоже протянул смуглую, всю в царапинах руку. Сунул жесткую ладонку лодочкой — и тут же потянул обратно.

— Счастливого пути, тетя Симона. И спокойной работы...

Симона усмехнулась, тряхнула головой и легонько щелкнула мальчика по носу.

— Заврался, братец. Спокойной... Приключени-ев! Происшестви-ев! Стр-р-рашных притом. Космические пираты, абордаж, таран, гравитационные торпеды к бою!

— Все сразу? — невинно спросил Митька.

— Только так. — Симона оглянулась на Ираиду Васильевну и неожиданно шепнула: — Почаще вызывай маму... Длинный фон у нас освобождается после девяти.

Мальчик отступил на несколько шагов, стащил с головы шапочку-пилотку и стал ею махать. Мобиль задрал вверх свой острый прозрачный нос и полез высоко в небо.

II. ДОМОЙ, НА «АРАМИС»

Уже совсем стемнело, и сквозь дымчатое брюхо мобиля было видно, как медленно возникают и так же медленно отступают назад и растворяются в темноте плавно изгибающиеся цепи мерцающих земных огней.

— Аюрюпинская дуга, — сказала Симона, чтобы оборвать их бесконечный, не в первый раз начатый и не в первый раз кончающийся вот так, лишь бы кончить, разговор. — Значит, через двадцать минут — Душанбинский космопорт.

— И все-таки, — упрямо продолжала Ираида Васильевна, — и все-таки разве вам не пришло в голову, что Митя ответил так только потому, что с ним говорили именно вы? Ведь во всех других вариантах — со всеми остальными людьми на Земле — он ограничился бы элементарным ответом. Вы не учите его мыслить — вы учите его оригинальничать, и еще учите его выбирать людей, с которыми приятно пооригинальничать, и еще дадите ему почувствовать свое одобрение. Разве вы не знаете, как он ценит малейшее ваше расположение? Да в следующий раз он будет готов отрицать, что дважды два — четыре, лишь бы только угодить вам.

Симона вдруг представила себя и Митьку, сидящих нос к носу у бетонной стенки взлетной площадки. И Ираиду Васильевну, сиротливо стоящую как-то сбоку от них. «Ревнует она его ко мне, что ли? — подумала Симона. — Ну и пусть, сама виновата». А Ираида Васильевна продолжала говорить, словно сейчас, здесь, в рейсовом мобиле, на подлете к Душанбинскому космопорту, можно было заставить Симону изменить свои взгляды на воспитание детей вообще и Митьки — в частности.

«Мы просто говорим на разных языках, — с тоской думала Симона. — «Учет возраста», «логическое переосмысление понятий в детском аспекте», бр-р-р... Ей кажется, что все учтено».

— Можно ли, — продолжала Ираида Васильевна, — пятикласснику объяснить все особенности политического строя Америки? Мы с вами прекрасно понимаем, что пресловутый «кибернетический социализм» — фикция. Но это ясно нам, знающим историю развития общества. А что вынес из вашей беседы Митя? Боюсь, что одно: недоверие к самому слову «социализм». Он не понял, что в Америке на самом деле доживает последняя стадия капитализма; для него теперь существует «хороший социализм» — какой был в нашей стране, и «плохой социализм» — как сейчас в Америке. Вот чего вы добились. А ведь через каких-нибудь два года он будет проходить все это в школе, и ему немалых трудов будет стоить борьба с собственными неверными представлениями, которые складываются вот из таких случайных бесед.

Симоне вдруг стало мучительно жаль эту женщину со всей ее формальной правотой, которая рано или поздно может оттолкнуть Митьку от нее.

— Да, наверное, вы правы, — примирительно сказала она. — У меня еще слишком свежи воспоминания о нашем нантском коллеже. И знаете, о чем я мечтала в Митькином возрасте? Попасть на самый настоящий античный пир. Представляете такую фантазию? — Симона прикрыла глаза и ясно представила себе черного, обожженного Агеева, каким она впервые увидела его после катастрофы на этой чертовой голубой сигаре «Суар де Пари».

«Я знаю, что она мне сейчас возразит, и она будет, как всег-

да, формально права, права обидной правотой азбучных истин. А истина все равно будет не на моей и не на ее, а на третьей, Митькиной, стороне: потому что даже я при всем желании не могу до конца быть такой, как он, хотя мне все время кажется, что я еще мальчишка, первый озорник нантского политехнического коллежа. И она сейчас авторитетно заявит, что...»

И действительно, Ираида Васильевна ответила, как ожидала Симона:

— Современная школа может воспитать полноценного и развитого ребенка, не ущемляя его тяги к самостоятельной романтике.

— Ну и хорошо, — устало отозвалась Симона. — Следовательно, нечего беспокоиться за судьбу мальчишки, даже если с нами случится какое-нибудь там чудо.

Ираида Васильевна наклонилась вниз и стала смотреть на быстро несущиеся навстречу игрушечные домики космопорта.

То, что эта большая, славная и не всегда тактичная в своей нерусской живости женщина назвала «каким-нибудь чудом», случилось совсем недавно, каких-нибудь десять лет назад, с Митькиным отцом, и еще пройдет десять раз по десять лет, и каждый раз, когда вспомнится, вот так же захочется согнуться и спрятаться от всех от них, даже таких, как Симона, и остаться один на один со своей болью.

— Ну вот и прилетели, — сказала Ираида Васильевна.

— Ага, — отозвалась Симона. — А вон там, в красном, кажется, наша Ада.

Мобиль подрулил прямо к длинному, похожему на пляжную раздевалку, зданию космопорта. Ираида Васильевна немножко задержалась, успокаиваясь, и неторопливо сошла по маленькой лесенке-трапу на бетонированное поле.

Вокруг Симоны уже стояла небольшая толпа: голубые комбинезоны Международной службы — Душанбинский космодром был предоставлен в ее распоряжение — вперемежку с пестрыми летными костюмами — по всей вероятности, это уже собирались пассажиры, которые утром должны были лететь на «Первую Козырева».

Черная лохматая голова Симоны возвышалась над всеми. Нередко в каком-нибудь затейливом жесте взлетали ее большие и легкие руки.

— Симона, здравствуй! — послышался звонкий девичий голос, и Ираида Васильевна увидела Аду, только она была не в красном, а в строгом светло-сером костюме.

Симона вскинула руку и, увидав подходящую Ираиду Васильевну, крикнула:

— Девочки, девочки, мы имеем начальника!

Ада обернулась и пошла навстречу Ираиде Васильевне, и тут же из толпы высунулась смуглая мордочка Паолы и улыбнулась так искренне и, как всегда, по-своему застенчиво, что чувство одиночества ушло, и Ираида Васильевна тихонько сказала: «Ну вот...» — как обычно говорят: «Ну вот я и дома».

Паола, в какой-то нелепой красной курточке, которая еще

больше делала ее похожей на обезьянку, вприпрыжку побежала к Ираиде Васильевне, обгоняя Аду и Симону.

— Как славно, Паша, что ты с нами, — сказала Ираида Васильевна. — Только что ж ты не со своего космодрома?

— У нас будет ракета только в четверг, — сказала Паола и покраснела.

Все посмотрели на Паолу и улыбнулись, потому что было ясно: к Земле подходит «Бригантина».

На «Первой Козырева» просидели полдня — Холяев, железный человек и бессменный начальник, никак не хотел выпускать их на одной патрульной ракете: ее грузоподъемность не превышала двухсот пятидесяти килограммов. Симона виновато притаилась в уголке салона, ибо не в первый раз всему виной были ее габариты. В конце концов она сама направилась к Холяеву, чтобы найти компромиссное решение, и не прошло десяти минут, как она вернулась и объявила, что начальник разрешает взять не патрульную, а буксирную ракету, поэтому все поместятся и смогут сегодня же сменить персонал, замещавший их на время отпусков. Паола радовалась молча, потому что на носу был подход «Бригантины» и ей пришлось мчаться через океан, чтобы лететь с русскими. Симону, бывшую замужем за знаменитым Агеевым, она тоже считала русской. Симона тоже так считала и только иногда, когда ловила себя на невольном: «эти русские», — вдруг не то чтобы огорчалась, а скорее удивлялась.

Сегодня у всех вертелся на языке вопрос: удалась ли Симона во время короткого отдыха на Земле связаться с кораблем Агеева? Но Симона ничего не говорила, а по какой-то молчаливой договоренности никто не задавал вопросов о тех, кто находился в полете.

Не спрашивали об Агееве; не спрашивали о «Кара-Бугазе», на котором штурман Сайкин — с некоторых пор Ада начала его называть «мой Сайкин» — ходил к Марсу и обратно довольно регулярно; не спрашивали и о «Бригантине» — впрочем, о ее подходе всем уже было известно.

И никогда не спрашивали Ираиду Васильевну. Ни о чем.

А чтобы не почувствовала она, что ее обходят молчанием как-то по-особенному, Симона шутила: «Королям и начальникам космических станций вопросов не задают».

И тогда Ираиде Васильевне хотелось нагнуться, как тогда, в мобиле.

Собственно говоря, небольшой искусственный спутник, которым командовала Ираида Васильевна, не был самостоятельной космической станцией, как гигантская «Первая Козырева», предназначенная для приема кораблей, крейсировавших между искусственными спутниками Земли, Марса, Венеры и Сатурна, а также планетолетов-разведчиков, ходивших в сверхдальние рейсы с научно-исследовательскими целями. Еще давно, когда космическое пространство только начинало осваиваться, было создано около десятка сверхмощных ракет, способных преодолевать расстояние между планетами с одновременной посадкой на них. Но потом перешли к созданию кораблей двух типов: одни, меж-

планетные, летали только в Пространстве, другие, маленькие, словно муравьи, перетаскивали на Землю все то, что доставлялось межпланетчиками на промежуточные околоземельные станции.

«Муравьи», как их прозвали и даже стали официально именовать, имели строго ограниченные зоны посадки. Огромная сеть радарных установок службы космоса немедленно засекала бы любого «муравья», если бы он попытался сесть в какой-нибудь неотведенной зоне.

Такие меры действительно были необходимы, и не только потому, что бесконтрольный вывоз сокровищ с других планет противоречил принципам, согласованным между странами. Биологическая угроза, которая неминуемо нависла бы над Землей в случае хаотических межпланетных рейсов, тоже была немаловажным фактором.

Но основным камнем преткновения были венериане.

Земное человечество не могло прийти пока к единому мнению: как же помочь совсем недавно возникшему человечеству Венеры?

Особая конвенция ограничила до минимума полеты на эту планету, категорически запретила вступать в контакт с венерианцами впредь до составления единой четкой программы взаимоотношений с ними.

Несколько лет система околопланетных станций вполне оправдывала себя, и космическое строительство было направлено исключительно на увеличение количества межпланетных грузовиков и «муравьев». Ракеты прибывали непосредственно на космические станции, где проходили карантин, проверку двигателей и досмотр грузов сотрудниками Международной службы. Но однажды почти одновременно на «Первой Козырева» весь персонал, а также экипажи трех швартовавшихся ракет были поражены цестой арибидрой, занесенной, по-видимому, с Марса; а «Линкольн Стар» едва не погиб от взрыва вышедшей из управления ракеты, которую вовремя не успели отвести подальше. Тогда-то и было решено около каждой космической станции создать группу вспомогательных спутников, играющих роль таможен.

Несмотря на то, что такие сооружения обычно создавались объединенными силами космических держав, строительство станций вокруг «Первой Козырева» почти целиком осуществлялось французскими инженерами. Вероятно, это было просто случайностью и ни в коей мере не отразилось ни на технической оснащенности, ни тем более на комфортабельности станций.

Зато названы они были по-французски: «Атос», «Портос» и «Арамис».

«Атос», самый малый из этой группы спутников, принимал пассажирские ракеты; «Портос» — грузовики; «Арамис» же, как наиболее оснащенная станция, был универсальным и поэтому контролировал нетиповые, очень устарелые или, наоборот, совершенно новые грузо-пассажирские и исследовательские корабли.

Подходившая «Бригантина» была из числа новейших американских моделей.

III. ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Пол под ногами слегка дрогнул: это значило, что буксирная ракета отошла от «Арамиса». Симона поколдовала еще немного у пульта — Паола знала, что это убираются трапы, соединяющие ракету со станцией. Симона включила экран обозрения, и все принялись искать крохотную удаляющуюся звездочку. Паола покрутила головой, но не нашла. Ракета была небольшой, шла почти без груза — увозила всего четырех человек и кое-какие их вещи, и поэтому, пока включили экран, она была уже далеко. Ираида Васильевна и Ада смотрели внимательно — наверное, они-то ее видели. Паола повернулась, пошла к двери и услышала, что Симона тоже поднимается. Если Симона вставала или садилась, то это было слышно в каждом уголке станции.

— Ну вот, — сказала Ираида Васильевна — она очень любила это «ну вот» и даже Симону приучила, — теперь, девочки, до следующего отпуска.

Навстречу по коридору полз «гном» с коричневыми плитками аккумуляторов. Паола подставила ему ногу. «Гном» подпрыгнул и шарахнулся в сторону. «У, тварь окаянная», — с ненавистью подумала Паола.

— Ну вот, — сказала за спиной Ираида Васильевна, — а теперь будем чай пить.

Паола тряхнула кудрявой головой и помчалась на кухню.

— Сколько по-нашему? — спросила Паола.

— Двадцать сорок две, — ответила Симона, и Паола перевела часы: «Атос», «Портос», «Арамис» и «Первая Козырева» отсчитывали время по Москве. — А теперь попрошу минуточку внимания. Мои пироги!

— Ваши пироги? — поразилась Ираида Васильевна. — Я допускаю, что вы можете собственноручно смонтировать универсального робота, но испечь пирожок...

— Знают ведь, — засмеялась Симона, — как облупленную знают. Ну, признаюсь. Не я. Мама. Сунула на космодроме.

Мама — это была не совсем мама. Это была мать Николая Агеева. Все неволью перестали жевать.

— Ешьте, мадам-мсье, ешьте, — сказала Симона. — Связь была.

И каждому показалось, что именно это и было самым главным за последние несколько дней. Вот это далеко не достоверное известие, что агеевцы живы.

— Приняли целых полслова: «получ...». По всей вероятности, «благополучно».

— Строго определяя, это не связь, а хамство, — сказала Ада. Ираида Васильевна улыбнулась и кивнула: ну конечно же —

«благополучно». Другого и быть не может. Для таких людей, как Симона и Николай Агеев, все всегда кончается благополучно. Потому что они умеют верить в это неизменное «благополучно». И хотя сидящие за столом перебирают сейчас десятки слов, которые могли быть на месте коротенького всплеска, чудом принятого Землей, — все равно для Симоны из всех этих слов существует только одно.

«Если бы так было с ними... — думала Паола, подпершись кулачком, — если бы два года не было связи с «Бригантиной»...

— Чай стынет, — сказала Симона. — Можно приниматься за пироги.

— С чем бы это? — полюбопытствовала Ираида Васильевна.

— Настоящие русские. Посконные. Что, я не так сказала? — Симона умудрялась выискивать где-то совершенно невероятные слова. — Вот убедитесь. С грибами и с вязигой.

— Да, — задумчиво сказала Ада, — эпоха контрабанды на таможней станции. И много их там у тебя?

— Хватит, — сказала Симона и ткнула кнопку вызова дежурного робота. — Надо припрятать на черный день — имею в виду гостей.

Дверь приподнялась, вкатился «гном». Он бесшумно скользнул к Симоне и остановился, подняв свой вогнутый, словно хлебная корзиночка, багажник. Симона принялась перегружать туда свои пакеты.

— Снесешь в холодильник, киса, — приговаривала она вполголоса, — да чтобы через неделю можно было достать, не раскапывая лопатой... А то всегда завалишь.

Паолу немного раздражала манера Симоны говорить с роботами. Ну зачем это, если они все равно ничего не слышат?

Видно, и Симона думала о том же.

— Эх ты, черепаха навыворот! И когда я вас переведу на диктофоны? — Она нагнулась и стала набирать шифр приказа. — Говоришь с ним, как с человеком, а он... Кстати, какой у нас номер очереди на универсальный?

Паола вскочила.

— Я сама.

Схватила пакеты в охапку, побежала на кухню. Универсальный...

Когда-нибудь его доставят на станцию, и тогда — «благодарю вас, мисс, но услуги стюардессы на станции больше не нужны».

Паола вернулась к столу, села, пригорюнившись, — одной рукой подперла подбородок, другой поглаживала скатерть.

— Ну что, Паша, взгрустнулось? — Ираида Васильевна наклонила голову, одним глазом глянула Паоле в лицо. — Или, может, обленилась за отпуск? Работа в тягость?

— Да разве я работаю? Смеетесь! — Паола судорожно сдержала руки со скатерти, под столом стиснула кулачки. — Разве так должна работать стюардесса? Вот на пассажирских ракетах, если что случается — стюардесса разве с командой? А? Она с пассажирами. До самого конца.

— Еще ни на одной пассажирской ракете «до самого конца» не доходило, — улынулась Ада.

— Я, конечно, мало что могу, но ведь главное, чтобы люди чувствовали — о них заботятся, с ними рядом живой человек, а не такой вот паразит, — Паола кивнула на «гнома», все еще покачивавшегося за креслом Симоны.

Симона взорвалась.

— Прелестно! Господа, бумагу мне с золотым обрезом и лебединое перо. Мы пишем рекомендацию мисс Паоле Пинкстоун на предмет ее перехода на рейсовую космоторассу. И чтоб там без паразитов. Мисс не выносит представителей металлической расы.

«Ну зачем она так? — подумала Ираида Васильевна. — Она же знает, что на пассажирские ракеты берут только самых хороших... Даже у нас. Уж такая традиция».

— Трогательно, — сказала Ада, — а мы, выходит, не люди? Нам не нужно человеческой заботы?

Паола вспыхнула.

— Ох, глупости вы все говорите!

Ираида Васильевна подошла к Паоле, тяжело опустила руки ей на плечи.

— Счастливая ты, Паша.

Паола вскинула на нее глаза, но Ираида Васильевна молчала, да говорить и не надо было, все и так поняли, что, собственно говоря, осталось досказать: «Счастливая ты — тебе есть кого ждать». Все это поняли, и наступила не просто тишина, а тишина неловкая, нехорошая, которую нужно поскорее оборвать, но никто этого не делал, потому что в таких случаях что ни скажешь — все окажется не к месту и всем на первых порах станет еще более неловко. И только потом, спустя несколько минут, все сделают вид, что забыли.

— А знаешь, откуда твое счастье? — Ираида Васильевна стряхнула с себя эту проклятую тишину, но не захотела, вовсе не захотела, чтобы все забывали, и улыбнулась грустно, сложила руки лодочкой и поднесла их к уху, словно в них было что-то спрятано, малюсенькое такое. — Вот когда мы были маленькими, играли в «белый камень»:

Белый камень у меня, у меня,
Говорите на меня, на меня,
Кто смеется — у того, у того,
Говорите на того, на того...

— И какие льготы предоставляло наличие белого камня? — осведомилась Ада.

— Уж не помню... Вроде счастье какое-то.

— Да... — задумчиво сказала Паола. — До счастья я немножко не дотянула. Пинкстоун — это не белый камень.

— Все равно, — сказала Ираида Васильевна, — все едино — счастье, — и улыбнулась такой щедрой, славной улыбкой, будто сама раздавала счастье и протягивала его Паоле: «На, глупенькая, держи, все тебе — большое, тяжелое»; а та боялась, не брала, приходилось уговаривать.

— Вызов, — сказала Симона и резко поднялась.

Все пошли в центральную рубку. Паола собрала со стола, понесла сама — здесь, с половинной силой тяжести, все казалось совсем невесомым. Шла, мурлыкая, песенка прилипла:

Кто смеется, у того, у того...

Симона вышла из центральной, остановилась перед Паолой. Блаженная рожица, что с нее возьмешь?

— Дура ты, Пашка, вот что, — сказала она негромко.

Паола остановилась и уж совсем донельзя глупо спросила:

— Почему?

— Долго объяснять. Просто запомни: со всеми своими прекрасными чувствами, со всей своей развысокой душой один человек может быть совсем не нужен другому. Вот как.

«Зачем они все знают, зачем они все так хорошо знают...» — с отчаяньем думала Паола.

Но тут взвыли генераторы защитного поля. Сигналов тревоги не было — видно, подходило небольшое облачко метеоритной пыли.

— Не осенний ли мелкий дождичек... — сказала Симона и побежала в центральную.

Паола повела плечами, словно действительно стало по-осеннему зябко, и пошла по коридору, как всегда, по самой середине, где под белой шершавой дорожкой — узенький желобок. Приоткрыла дверь своей каюты — потолок тотчас же стал затягиваться молочным искристым мерцанием. Не думая, протянула руку вправо, почти совсем приглушила люминатор. Оглянулась. Напротив поблескивала металлопластом дверь одной из кают, что для «них».

Гулкое ворчанье под ногами усиливалось. Паола перешагнула через порог, неожиданно подпрыгнула — видно, Симона сняла энергию с генераторов гравиполя, и тяжесть, и без того составлявшая что-то около шести десятых земной, уменьшилась еще наполовину. Паола забралась на подвесную койку, поджала ноги. Она знала, что ничего страшного нет, что Симона напекает себе за пультом и ничего не боится, и Ада ничего не боится, и Ираида Васильевна боится только потому, что она всегда за всех боится, но внизу, в машинно-кибернетической, рычало, и ноги невольно подбирались куда-нибудь подальше от этого низа.

Паола подняла руку к книжной полке, не глядя, вытянула из зажима алый томик Тагора. И книга раскрылась сама на сотни раз читанном и перечитанном месте:

«О мама, юный принц мимо нашего дома проскачет — как же могу я быть в это утро прилежной?»

Покажи, как мне волосы заплести, подскажи мне, какие одежды надеть.

Отчего на меня смотришь так удивленно ты, мама?

Да, я знаю, не блеснет его быстрый взгляд на моем окне; я знаю, во мгновение ока он умчится из глаз моих; только флейты гаснущий напев долетит ко мне, всхлипнув, издалека.

Но юный принц мимо нашего дома проскачет, и свой лучший наряд я надену на это мгновенье...»

Страх уже не было, а было повторяющееся каждый раз ожидание какого-то чуда, вызванного, как заклинанием, древней песней о несбыточной любви.

«О мама, юный принц мимо нашего дома промчался, и утренним солнцем сверкала его колесница.

Я откинула с лица своего покрывало, я сорвала с себя рубиновое ожерелье и бросила на пути его.

Отчего на меня смотришь так удивленно ты, мама?

Да, я знаю, он не поднял с земли ожерелья; я знаю, в красную пыль превратили его колеса, красным пятном на дороге оставив; и никто не заметил дара моего и кому он был предназначен...»

А станция все летела и летела вокруг Земли, и вместе с Землей, и вместе со всей солнечной, и вместе со всей Галактикой, и вместе с тем, что есть все это — все галактики вместе, и то, что между ними, и то, что за ними; и только, затихая, мурлыкали сигматеры первой зоны защитного поля, и только чуть посапывал регенератор воздуха, и только жемчужным, звездным блеском мерцал люминатор, и никаких чудес не могло быть на этом белом свете.

«Но юный принц мимо нашего дома промчался, и драгоценный камень с груди своей я бросила ему под ноги»¹.

IV. ВСТРЕЧА В ПРОСТРАНСТВЕ

— «Арамис», «Арамис», я — «Первая Козырева», связь связь...

— Есть связь. Ада, возьми-ка связь, надоели до чертиков со своими информашками...

— Подтвердите готовность к приему американского планетолета НУ-17 «Бригантина».

Ираида Васильевна оперлась на Адино плечо, наклонилась над чашечкой короткого фона.

— Станция «Арамис» — «Первой Козырева»: к приему планетолета НУ-17 «Бригантина» готова. Начальник станции Ираида Монахова.

«Бригантина» легла в дрейф на расстоянии от вас шесть с половиной тысяч километров, геоцентрические координаты...

¹ Перевод А. Израйлита.

— Сейчас соврут! — шепнула Симона и заслонила своими плечами широченный экран гравирадара. Радужная мошка выползла на его сетчатое поле.

«Первая Козырева» выдала координаты и, как всегда, приврала. Симона отошла от гравирадара и наклонилась над Адой с другой стороны, так что все три женщины легонько стукнулись головами.

— Ламуиль, котик, это ты там порешь?

«Первая Козырева» невозмутимо продолжала:

— «Арамис», «Арамис», передаю вам связь с «Бригантиной». Корабль идет без повреждений, дополнительной бригады на прием не запрашивалось. Дежурный диспетчер Шарль Ламуиль, — и уже другим, сердитым голосом: — Да, это я. А что?

— С тебя пол-литра «Московской» за вранье. Когда Колька приземлится.

— А что, действительно была связь?

— А ты не знал?

— Знал, да как-то не верилось... Ну, берите «Бригантину».

«Первая Козырева» сошла со связи, из фона понесло писком, визгом и улюлюканьем.

— Чистый зверинец, — Симона подтолкнула Аду плечом, чтобы та освободила ей место. — А еще Пространство.

— Симона, — мягко сказала Ираида Васильевна, — может быть, Аде пора самой принять хоть один корабль?

— Нос не дорос.

Ираида Васильевна тихонько вздохнула — нервничает человек. И еще сколько кораблей ей принять, прежде чем вернется — или совсем уже не вернется — Николай Агеев.

И Симона понимала, что Ираида Васильевна жалеет ее, как всегда, и боится за нее, как за всех, и поэтому предлагает — хорошо, что еще не приказывает! — передать прием «Бригантины» Аде, дублеру по кибернетике и механизмам. Симона сердито фыркнула, и тотчас же из коричневого овала возник негромкий баритон:

— ...пеленг... Я «Бригантина», я «Бригантина», прошу пеленг.

Симона оглянулась — Паола сидела в дальнем углу, руки подложены под колени, а ноги до пола не достают. Ишь, как трогательно.

— Иди-ка поближе. Тоже мне Золушка.

Паола легко перебежала через всю центральную, ткнулась носом в лохматый затылок Симоны. Та одной рукой включила тумблер автопеленга, а другую закинула за голову и поймала Паолу за короткую жесткую прядку, больно дернула — «ой!».

— Девочки! — строго сказала Ираида Васильевна.

Точка на экране двинулась и поползла к центру, увеличиваясь и теряя радужные оболочки. Корабль подходил к станции на своих маневровых двигателях. Планетарные были уже застопорены, потому что на них не только станцию проскочить можно, но и всю систему «Первой Козырева», и очень даже просто; а во вторых, планетарное топливо стоило, ой-ой-ой, сколько, надо было беречь.

— Дорогие космонавты, — обратилась Симона к «этим проклятым капиталистам» с традиционной формулой приветствия, — рады поздравить вас с благополучным завершением рейса.

— Благодарю вас, мадам, — ответил красивый баритон. — Идем на сближение по пеленгу. Через четыре минуты начну торможение.

— Рановато, — сказала Симона. — Подойдите поближе. Как слетали?

— Благодарю вас, как всегда — без происшествий.

— Везет. Занудное благополучие. А нас одолевает пыль.

— Рад за вас, мадам, если все обошлось без последствий. Одному из наших кораблей не удалось избежать некоторых неприятностей.

— А, «Киллинг». Слышала. Сами виноваты. Курицы.

— Симона, — сказала Ираида Васильевна.

— Не знаю подробностей, мадам. Это случилось вчера.

— Зато я знаю. Тормозите.

Симона оглянулась на экран. Точка была у самого центра.

— Потихе, рыбонька, — сказала она шепотом этой самой точке и положила руки на пульт управления. — Стоп, стоп, капитан, — Симона повернула рычаг энергораспределителя и одновременно повела влево контактор гравитационного поля.

У всех появилось ощущение, что они приподнимаются вверх. Симона снизила поле гравитации до двух десятых земной. Мягко, пухло, словно разрастаясь в объеме, возник ухающий, вздыхающий гул. Это заработали на холостом ходу маневровые двигатели самой станции.

— Легли в дрейф, — доложили с «Бригантины». — Расстояние до «Арамиса» — восемьсот двадцать семь метров.

Ну ясно, опять влетит от диспетчера. Хорошо еще — свой человек. Так что неизвестно, кто кому будет «Московскую» ставить.

— Восемьсот пятнадцать, — сказала Симона с легким вздохом. — И не кричите на все Пространство.

Пол дрогнул, поддал по пяткам, вильнул туда-сюда, и стало непонятно, куда летишь, но было ясно, что летишь очень быстро.

Станция шла к планетолету. Он уже был виден сквозь толстый иллюминатор, и Симона взяла вверх, чтобы особенно долго не крутиться вокруг него, а сесть прямо ему на хребет. С каждой минутой становилось ясно, какой же это гигант, и когда станция пошла над ним, то со стороны могло показаться, что это маленькая проворная каракатица пристраивается на спину мирно отдыхающего дельфина.

— Подержитесь, бабоньки, — сказала Симона, но все и так знали, что сейчас сила тяжести будет уменьшена до одной десятой земной.

Паола схватилась за чеканную титанировую раму иллюминатора. Вот опять промелькнула обшивка планетолета — заходили с кормы, где все еще светились чудовищные раструбы дюз. Так было удобнее сесть на люк.

Симона включила круговой экран обозрения. Ага, уже совсем близко. Станция замерла, немного поерзала, словно примериваясь, и уже на кибер-абордажере, потому что никакой человек не мог бы этого сделать с требуемой точностью, плавно скользнула вбок и присосалась к двум чегким овалам грузового и пассажирского люков.

Крепежные лапы выползли из открывшихся пазов и цепко обхватили темно-серое, тускло поблескивающее тело планетолета. Теперь он и станция представляли собой единое целое. Осталось только выдвинуть герметический трап.

Симона нагнулась над сетчатой плоской фона:

— Ну, как вы там?

— Надеваем скафандры, — лаконично отозвалась «Бригантина».

— Подаю трап. Всем покинуть шлюзовую камеру.

— Есть покинуть шлюзовую камеру.

Симона вдавила серую клавишу, и тотчас же из тамбурной послышалось легкое шуршание. Станцию еще немножечко качнуло, на обзорном экране было видно, как худой гофрированный хобот протянулся к люку и плотно обхватил его. Проворный, словно белочка, кибер уже выскочил в пространство и побежал по спирали вокруг переходника, добрался до места стыка и стал придирчиво тыркаться, проверяя надежность крепления.

— Экипаж планетолета НУ-17 «Бригантина» к выходу готов.

Паола переступила с ноги на ногу.

Симона включила тумблер под знаком «С», и тонкая прозрачная пленка опустилась с потолка и разделила шлюзовую, коридоры, салон и биологическую на территорию хозяев и территорию гостей.

— Выход разрешаю, — сказала Ираида Васильевна, нагибаясь над плечом Симоны.

Два золотистых краба, выставив перед собой инструменты, ринулись по переходнику — помогать снимать люк.

Симона поднялась, повела плечами — чертовски нелеп был на ней форменный голубой костюм Международной службы — и в последний раз протянула руку к пульту — восстановила привычную на станции силу тяжести.

— Ну, пошли делать реверансы! — И, пропустив вперед Ираиду Васильевну, все двинулись в тамбурную.

Слева уже чернела изготовившаяся к нападению на чужой корабль беспристрастная армия кибер-контролеров; направо, к жилым отсекам, уходил белоснежный коридор, а прямо, так близко, что, казалось, сделал два шага, и ты там, зияла дыра герметического перехода.

Но сделать эти два шага было никак нельзя, потому что невидимая пленка немыслимой прочности поднималась у самых ног выстроившегося экипажа «Арамиса» и уходила в узкую щель темно-синего потолка — люминаторами в шлюзовой служили боковые стены. За дырой была темнота, из которой доносилась металлическая возня. И вот там, впереди, показалась полосочка света, потом щит люка стремительно опрокинулся внутрь перехода, подхватенный присосками киберов. На фоне желтого овала мелькнули силуэты этих киберов, втаскивающих щит внутрь корабля, потом свет усилился, и вот стройная фигура в едва угадываемом синтериклоновом скафандре показалась в конце перехода.

Паола снова переступила с ноги на ногу, вздохнула и даже тихонечко потрогала упруго подавшуюся под ее пальцами перборку, но никто на нее не оглянулся.

Показалась еще фигура и еще, и трое космолетчиков, чуть пригнувшись, вышли из темного коридорчика.

Они остановились напротив команды «Арамиса», почти у самой перегородки, только по другую ее сторону и на таком расстоянии, чтобы можно было сделать один маленький шаг вперед; и тот, что вышел первым, сделал этот шаг и чуть усталым голосом проговорил:

— Экипаж американского планетолета «Бригантина» в составе Дэннела О'Брайна — командира, — он с каким-то врожденным достоинством слегка наклонил голову, — Александра Стрейнджера — второго пилота, — поклонился незнакомый, но сразу бросающийся в глаза удивительно красивый юноша, — и Пино Мортусьяна — космобиолога, — Пино, старый знакомый, мотнул головой, — прибыл в систему космической станции «Первая Козырева» и просит произвести досмотр грузов.

Ираида Васильевна тоже сделала маленький шагок ему на встречу.

— Команда вспомогательной станции «Арамис» в составе Ираиды Монаховой — начальника и космобиолога, Симоны Жервез-Агеевой — кибер-механика, Ады Шлезингер — уполномоченного по досмотру грузов и Паолы Пинкстоун — стюардессы — рада видеть вас у себя на борту. Сейчас прошу всех пройти в боксы биологической обработки, после чего прошу вас в салон, — и Ираида Васильевна улыбнулась так по-домашнему, по-земному, что американцы не могли не ответить ей тем же и тоже улыбнулись: капитан — сдержанно, второй пилот — ослепительно, а Пино — криво, как всегда.

— Нет ли у вас на борту живых существ, капитан? — зада-ла Ада традиционный вопрос.

— Нет. Груз — контейнеры с кормонилитом. Все данные о характере груза, в том числе и о его активности, в бортовом журнале.

Формальности были окончены, космолетчики поступали в распоряжение Ираиды Васильевны, теперь уже не командира, а врача.

— Прошу вас, — она повернулась и пошла в правый коридор, и трое в скафандрах тоже повернулись и послушно затопали рядом с ней.

V. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. НЕМНОГО ПОЛИТИКИ

Два одинаковых золотисто-коричневых «гнома», работающих по зеркальной программе, подали фрукты. Капитан отказался; Мортусян потянул огромную кисть винограда, которая позволила бы ему до конца вечера не вступать в разговор. Красавец Санти выбрал на редкость аппетитный персик и, живо обернувшись влево, хотел было предложить его Паоле, но наткнулся на синтериклоновую пленку и так естественно упомянул чертей в количестве что-то около четырехсот штук, что все засмеялись.

— Простите, мисс, — проговорил он, великолепно смущаясь, —

надеюсь, вы дадите мне возможность заглянуть мой промах где-нибудь на Земле?

«Вот как славно, — искренне порадовалась Иранда Васильевна, — и голубой «космический» костюм Паше к лицу и этот румянец... И сам О'Брайн улыбается. Все будет хорошо, все еще будет хорошо».

«А что, — думала Симона, — пусть не журавль в небе, зато синица в руках. И какая синица!»

Ада смотрела на Санти Стрейнджера, безмятежно приподняв брови: «А ведь это игра. И игра на самом высоком уровне. Только зачем? Не ради же интрижки с маленькой стюардессой?..»

В салоне было не слишком светло и удивительно уютно; невидимая пленка синтериклона, разделявшая стол, не мешала общей беседе, так как была абсолютно звукопроницаема. И сама беседа была уютной, неторопливой, домашней. Говорили о Венере, к которой здесь, у «Первой Козырева», относились несколько снисходительно, по-соседски, словно она находилась в той же системе вспомогательных станций и была притом не лучшей из них.

— А Мурзукский рудник, вероятно, придется прикрыть, — сказала Симона, возвращая разговор к прерванной теме. — Это возле Сахарского хребта, ваш кормонилит как раз там и добывают. Так вот, за прошлую неделю туда пожаловало уже два венерианина. Какое уж тут невступление в контакт! Хорошо, ваши ребята вовремя спохватились, выкинули их из зоны действия машин.

— А вы не знаете подробностей? — спросил Санти.

— Ну? — Симона приготовилась слушать, хотя с недавнего времени у нее появилось подозрение, что этот мальчик врет, как в худшем случае — Мюнхгаузен, а в лучшем — Ийон Тихий.

— Так вот, ребята с Мурзукского недавно подстрелили пару зверюшек, не помню, как они называются, но что-то вроде наших кенгуру. Хотели привезти домой — знаете, сколько за такие штуки в наших музеях платят? А биолог — Пино его знает, здоровенный такой верзила — попросил одну взаимы. Все долго гадали, зачем ему эта шкура на Венере — ну, на Земле это было бы еще понятно. Перед девочкой похвастать или еще что-нибудь подобное. А в первых числах августа вдруг сигнал тревоги — кто-то залез в зону действия машин. Все бросились к экранам, а там огромная фигура — шкура кенгуру, а походка как у биолога — выносит на руках маленького венерианина. Вынес из зоны, на ноги поставил да еще подшлепнул — не шатайся, где не положено.

— Вполне правдоподобно, — сказала Симона.

Оно действительно было вполне правдоподобно, это маленькое происшествие с любознательным венерианином. Но вот эта фигура благородного янки, выносящего на своих руках из опасной зоны маленького аборигена...

А если врет, то зачем?

Симона глянула на Аду: ага, и та не верила.

— До чего же все это надоело — замаскированные станции, телепередатчики чуть ли не в дуплах деревьев, вся эта мышьяная возня вокруг невступления в контакт... А я бы сейчас собрала всех их детенышей и — к ним, воспитательницей в детский сад.

— И воспитала бы из них сорванцов, — засмеялась Ада.

— А вы считаете себя вправе учить их жить так, как живете вы сами? — спросил О'Брайн.

— Ну нет, капитан, — замахала руками Симона, — что бы было! Я учила бы их жить, исходя из собственных ошибок.

— Собственных, это в частности, — заметил Санти, — но нужно учитывать и более существенные заблуждения, свойственные не отдельному человеку, а...

— Начинается, — сказала Симона. — Вижу, что в ближайшие десять лет мне не быть воспитательницей в детском саду.

— Почему же, — упрямо возразил Санти. — Нужно только договориться. Договаривались же наши страны по многим вопросам. Нет никакого сомнения, что тот строй, который возникнет на Венере после появления там общества, — согласитесь, что его там пока вообще нет, есть только стаи, — все женщины дружно поморщились, — так вот, этот строй — я не возражаю даже против того, чтобы он назывался коммунистическим, — этот строй будет отличаться и от того, что имеет место в вашей стране, и от того, к чему в конце концов придем мы.

— Едва ли, — сказала Симона, — потому что в конце концов и мы и вы — все придем к одному и тому же.

— Сомневаюсь, — мягко проговорил Санти. — Уже тот кибернетический социализм, который мы избрали в нашей стране, принципиально отличается от того социализма, который имел место в России и сейчас еще наблюдается в некоторых странах. — Симона начала медленно бледнеть. — Не умаляя значения вашего великого примера, — Санти весьма небрежно сделал ручкой, — мы все-таки возьмем на себя смелость развиться самостоятельно, и пока мы так же, как и вы, являемся космической державой, мы будем... э-э-э... протестовать против насильственного насаждения среди венериан исключительно ваших взглядов. Пусть они себе строят коммунизм, но пусть они имеют свободу выбора, с кого брать пример — с вас или с нас.

— Та-ак, — протянула Симона. — Мало нам, значит, было социализма по-американски, теперь нам обещают и коммунизм под тем же соусом. А не слишком ли легко вы бросаетесь словами, мой мальчик? Ведь это, черт побери, не шашлыки — по-вашему, по-нашему! Мы социализм настоящий, мы его горбом, кровью и потом выстроили. И коммунизм — это великая работа. Никто ее не считает, просто каждый по совести делает немножко больше, чем может. Так что вообще-то коммунизм — это Совесть. С большой буквы А для вас, я вижу, уже все равно — в один прекрасный день, когда совсем не за что держаться стало, выкинули последнюю соломинку: граждане свободной Америки, у нас, видите ли, уже сам собой сложился социализм. Кибернетический притом, что является высшей его ступенью. Не так ли, а?

Санти поднял на нее ясные красивые глаза: «Ну и расправляются же здесь с гостями, и, судя по всему, это тут обычное явление», — и заговорил негромко и сосредоточенно, как пай-мальчик, отвечающий урок:

— Ни тот переход от капитализма к социализму, который имел место в нашей стране, ни то расширенное понятие о социализ-

ме, к которому пришли американские теоретики, не только не противоречат марксистской диалектике...

— А ваши безработные? Они что — тоже не противоречат? — перебила его Ада.

— Мисс, бога ради, поддержите меня, — Санти обернулся к Паоле, через упруго подавшийся синтериклон коснулся ее близкого плеча. — Скажите вашим коллегам, что любой американец, не нашедший работы по специальности, получает в неделю один час общественных работ, причем оплата труда позволяет ему не только прокормиться самому, но и содержать семью.

— То есть не помереть с голоду, — задумчиво сказала Ираида Васильевна. — То-то и оно, что рождаемость у вас...

— Рождаемость — вопрос другой. А предоставить каждому высокооплачиваемую работу по специальности мы не можем, потому что это значило бы...

Он остановился и глянул на Паолу, давая ей закончить мысль.

— ...это значило бы подорвать конкуренцию. А конкуренция — прежде всего, — старательно, как на уроке, проговорила Паола.

Ада презрительно повела плечами, чего раньше себе никогда не позволяла.

— Ну, а эксплуатация трудящихся? И это при «социализме»?

— Помилуйте! Эксплуатации давно нет. Каждый рабочий полностью получает за свой труд. Не так ли, мисс?

— Разумеется. Капиталисты... — Паола беспомощно наморщила лобик, — они присваивают себе только труд роботов. А люди полностью получают по труду...

Паола раскраснелась, поставила локти на стол. Впервые она, как равная, принимала участие в таком умном разговоре.

— И ты туда же! Также мне знаток политэкономии, — преврала ее Ада. — Тогда не мешало бы тебе знать, что машины не могут трудиться. И сколько бы там роботов ни было на производстве, эксплуатируются-то рабочие...

— Послушайте, вы, — заговорила притихшая на время Симона, — вам известен такой термин — «липа»? Да? А «развесистая клюква»? Так вот ваш кибернетический социализм по-американски...

— Мадам, — спокойно проговорил Дэниел О'Брайн, и Мортусян перестал жевать виноград. — Я тоже американец.

Симона обернулась к нему, фыркнула.

— Дорогой капитан, это то, что примиряет меня пока с Америкой.

Дэниел наклонил голову — ровно настолько, чтобы не показаться неучтивым. И всей кожей почувствовал взгляд Санги Стрейнджера. А действительно, стоит ли быть учтивым с какой-то марокканкой? Дэниел постарался смотреть так, чтобы взгляд приходился посередине между Адой и Ираидой Васильевной.

Ираида Васильевна поднялась.

— Очень жаль, господа, но мы не хотели бы, чтобы корабль задержался на «Арамисе» по нашей вине. Салон и библиотека в вашем распоряжении. Паша, займи гостей.

Паола улыбнулась — как и подобало хозяйке, спросила:

— Может быть, еще кофе?

Санти опустился на свое место и положил ноги на кресло

Мортусяна, приняв естественную и непринужденную позу усталого человека:

— Если это вас не затруднит, мисс, то еще чашечку.

Паола побежала на кухню — не хотелось посылать «гнома».

— Отдыхайте, ребята, — сказал капитан и пошел в свою каюту.

Мортусян подошел к Санти, перегнулся через спинку его кресла, выплюнул абрикосовую косточку.

— Мне смыться?

— Как знаешь.

— Развлекаешься с девочками?

— И другим советую.

Мортусян как-то неопределенно хмыкнул, нежно погладил Санти по головке.

— Ну, ну, паинька, — и тоже направился к себе.

Паола с чашечкой на подносе впорхнула в салон. Увидела Санти. Одного только Санти, Значит, снова до утра...

И приветливым тоном хорошо вышколенной стюардессы:

— Кофе, мистер Стрейнджер... — и зашулась: синтериклон.

Такой промах для опытной стюардессы.

Она так и стояла, мучительно краснея все больше и больше, хотя давно уже могло показаться, что дальше уже никуда; но особенностью Паолы было то, что она умудрялась краснеть практически беспрестанно. И эта глупая, ненужная чашка в руках...

— Бог с ним, с кофе, — ласково проговорил Санти, поднимаясь. Он подошел к перегородке и прижался к ней щекой. Перегородка была чуть теплая. — Мисс Паола, вы скоро вернетесь на Землю?

Паола подняла на него глаза и не ответила. Санти засмеялся.

— Держу пари, что я-таки добился того, что вы считаете меня самым навязчивым из всех ослов. Ну ладно! Чтобы доказать обратное и заслужить вашу дружбу, открою вам один секрет: если вы хотите завоевать симпатии мистера Мортусяна — пошлите ему в каюту целую гору сладостей. Знали бы вы, какой он лакомка! Это верно так же, как и то, что капитан любит только одну вещь: легкие вирджинские сигареты.

— Но у нас на станции никто не курит, — Паола растерянно оглянулась по сторонам.

Господи, какая дура!

— К счастью, в моем личном саквояже вы можете их отыскать. Пошлите на корабль «гнома», как только закончится дезактивация и дезинфекция.

— Я не имею права...

— О, разумеется, разумеется... — Санти чуть заметно усмехнулся: не пройдет и трех минут, как «гном» поползет на корабль за сигаретами. Ну что же, начинать надо с малого. — А-жаль! — добавил он вслух.

Паола улыбнулась дежурной улыбкой стюардессы.

— Пойду поищу чего-нибудь для мистера Мортусяна...

Санти проводил ее взглядом, вытянулся в кресле, закинув руки за голову, негромко прочитал:

Сладко, когда на просторах морских разыгрываются ветры,

С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого...

Дэнниел О'Брайн закрыл за собой дверь каюты, устало опустился на край койки. Ну что, капитан, где твое хваленое ТО, ради чего ты живешь именно так, как сейчас живешь, и не стоит жить иначе?

Раньше оно вроде было ближе, достижимее. А сейчас оно где-то рядом, но невидимо и неощутимо, как грань между будущим и прошедшим. Увлекательная это игра — ловить настоящее. Хотя бы ощущение. Кажется, что оно вполне реально, но стараешься подстеречь его — оно становится всего лишь ожиданием; оно приходит, спешншь зафиксировать его в памяти, а оно уже там, потому что оно стало воспоминанием. И так всегда и во всем его настоящее распадалось на прошедшее и будущее, ускользало, и вся жизнь, если смотреть на нее с точки зрения разложения бытия на две эти составляющие, расплывалась, расплывалась, теряла привычные контуры, и в мерцании равновероятных правд и неправд рождалось желание совершить что-то недопустимое, невероятное; ведь не все ли равно, что делать, если не успеваешь осмыслить каждый шаг, а он уже пересек грань будущего и прошедшего.

Это стремление и привело его к Себастьяну Неро, ученому и промышленному магнату, и тогда жизнь стала действительно таинственной и желанной, и была она такой до конца прошлого рейса, пока снова не появилось недоуменное, тревожное смятение: а есть ли во всем этом ТО, чего ради вообще стоит жить?

Сначала он думал, ТО — это ожидание полета. Но ожидания не было, была переполненная формальностями суэта проверки и отладки двигателей. А потом компания погнала «Бригантину» раньше расписания, и он даже не успел как следует познакомиться со вторым пилотом. Потом был полет туда — нудная канитель с вышедшими из управления супроторами, и бормотанье Мортусяна, и лучезарные улыбки Санти. И в этом уж никак не могло быть ничего святого. И погрузка над Венерой, истерический вой в фонах, роботы-грузчики, бесконечные контейнеры и «быстрее, быстрее» — из экспортного управления с поверхности.

И вот самое интересное — «Арамис», где, наконец, он мог в полной мере быть «джентльменом космоса», непроницаемым и безупречным.

Но опять не было ощущения того, что вот именно сейчас и наступило ТО, ради чего живешь именно так, как живешь, и не стоит жить иначе.

«А, к чертям, — безнадежно подумал Дэнниел, — пока я первый пилот нашего флота, и я независим, и счет в банке — лет десять сносной жизни, а потом... час общественного труда, и гарантия, что не умрешь голодной смертью».

За дверью послышались легкие шаги, хлопнула соседняя дверь. О'Брайн потянулся и включил экран внутреннего фона.

— Ну и как? — послышался жабий голос Пино.

— Как и должно быть, — скромно отвечал Санти.

— А как тебе мадам?

— Бр-р-р... мечта пьяного Делакруа. Марокканская лошадь.

— А мамаша?

— Сами русские о таких говорят «чучмэк»...

— Мистер Стрейнджер, — Дэнниел почувствовал, что необ-

ходимо немедленно вмешаться, — я попросил бы вас на будущее, как и вас, Пинно, не утруждать в салоне политических дискуссий.

— Бога ради, капитан, разве был политический разговор? — Санти поднял ангельские глазки на экран и посмотрел на Дэниела. — Мне казалось, что я только исправляю нашу общую бестактность, стараясь привлечь к беседе нашу соотечественницу мисс Паолу.

Дэниел побледнел. Еще никто не смел с такой бесцеремонностью указывать ему на то, как следует вести себя за общим столом.

— И попрошу вас внимательнее следить за своей речью, — словно не расслышав ответа Санти, продолжал капитан. — Слова «чучмэк» нет в русском языке.

— Прошу прощения, капитан, — живо возразил Санти, — это жаргонное выражение, вышедшее из употребления в конце двадцатого столетия. Оно встречается у очень немногих авторов.

— Не слишком ли хорошо вы знаете русский, мой мальчик?

Санти вскинул руку — отключил фон Мортусьяна.

— Язык врагов нужно знать так же хорошо, как свой собственный, — негромко проговорил он. — И даже лучше.

— Вы с ума сошли! Вы же на...

— В каютах пассажиров нет наблюдательной аппаратуры.

— Вы уверены?

Санти шагнул вперед, так что губы его очутились у самого экрана, и зеленоватое стекло подернулось легкой дымкой дыхання. И еще он засмеялся, так откровенно и высокомерно, как только он один позволял это себе по отношению к О'Брайну.

— Я это просто знаю, капитан. Они создавали эти станции, дьявольски уверенные в том, что только они будут здесь хозяевами. Себя им не нужно было контролировать. А мы — только пока. Мы — потенциальная часть их самих. Мы — хорошие парни, только по недомыслию не понимающие, что рано или поздно мы обречены на ту уравниловку народов, которую они считают светлым будущим человечества. А мы не хотим! И не позволим! Мы — это не вы, капитан. И не этот висельник Мортусьян, которого мистер Неро — да, да, собственноручно Себастьян Неро — вытащил из мельбурнской тюрьмы и засунул на наш корабль. Ах, вы этого не знаете! Естественно, ведь вам на все плевать. Да не возражайте, капитан, нас ведь никто не слышит, и престиж «джентльмена космоса» не пострадает от того, что я вам скажу. Мы будем драться за тот путь, который мы сами выберем. И может быть, нам придется уничтожить тех, кто стоит на дороге. А те, которым плевать на все, — они тоже стоят. А нам нужно, чтобы с нами вместе шли. Бежали. Дрались. Но не стояли. Мы...

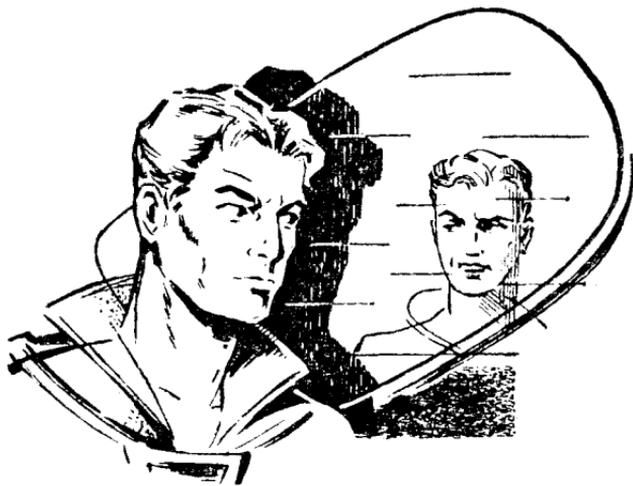
— Кто же это — мы? — спокойно проговорил О'Брайн.

И снова Санти улыбнулся, как улыбаются люди настолько сильные, что им можно уже ничего не скрывать.

— Мы — это пока я один, капитан. Прежде чем научиться драться в стае, каждый должен отточить свои когти в одиночку. Вы думаете, что этот корабль — мое первое поле боя? Нет, капитан, это еще учебный ринг. Только поэтому я и здесь. Пока я честно могу вам признаться, что не знаю, что я буду

делать дальше. Сначала — искать таких же, как я. И если я найду человека, которого признаю сильнее себя, я буду выполнять его приказы слепо и фанатично, как иезуит. А нет — буду командовать сам. Разумеется, это будет трудно... Трудно нам будет потому, что слишком многим в нашей стране на все наплевать. А ведь так гибнут целые государства. Древний Египет, Рим, Греция — они погибли, когда их обожравшимся гражданам стало на все плевать. И еще нам будет трудно потому, что слишком давние ошибки нам придется исправлять. Ошибки древние, но столь страшные, что мне порой кажется, что это я сам допустил их: это я в девятьсот четвертом не вступил в союз с Японией, чтобы помочь ей захватить всю азиатскую часть России. Это я в семнадцатом году не объявил тотальной мобилизации всего мира, чтобы задуть новорожденную гидру социализма; это я в сорок пятом...

Дэннел выключил фон. Слишком любил он этого красивого, сильного мальчика и не хотел видеть, как взлет непримиримости перейдет границы и опустится до истеричного, маниакального, жалкого.

VI. ДЕНЬ ВТОРОЙ. ПОДОЗРЕНИЯ

— Чисто? — в сотый раз спрашивала Ада.

— Чисто, черт их дерн, — в сотый раз отвечала Симона и в сто первый раз запускала на просмотрном столике какую-нибудь диаграммную ленту. Формально все было чисто. Одни подозрения — как и в прошлый их приход, впрочем.

— Значит, опять пропустим?

— Черта с два, — сказала Симона. — Черта с два. Ищи.

И снова киберы, чмокая присосками, шли по сумрачному переходу, чтобы передвинуть и «прозвонить» каждый контейнер, чтобы обнюхать каждый квадратный сантиметр поверхности стен и горизонтальных переборок, и Ада сидела перед экранами внешнего обзора до самого обеда и после обеда, и снова ничего не было заметно, и Симона, наконец, оттащила ее от просмотрового пульта, потому что и завтра был еще целый день.

— Чисто? — еще раз спросила Ада.

— Пока — да. Но видишь этот штрих?

— Царапнуло перо.

— А тут?

— М-м-м... Тоже.

— И здесь — тоже?

— Честное слово, Симона, это слишком уж микроскопические придирки.

— А почему они идут через определенный промежуток времени?

— А почему бы им и не идти? Механические неполадки.

Симона запустила еще одну ленту.

— Ну, а здесь? Этот легкий зигзаг — всплеск радиации. Вот еще — весьма регулярные всплески. Помнишь, я тебе говорила о них в прошлый приход «Бригантины»?

— Но им так далеко до нормы!

— Не это важно. Важно то, что по времени они совпадают с первыми штрихами.

— А первая лента откуда?

— С регенерационной машины. Слово ее останавливали или переключали на другой режим.

— Ну, знаешь! Какая тут связь?

— Да никакой, — сказала Симона.

Ада направилась к двери, но Симона продолжала упорно смотреть на легонькие лиловые загогулины.

— Как ты думаешь, — спросила она вдруг, — что будет делать нормальный космонавт, если в кабину проникнет излучение?

— Такое?

— Такое — наплюет. Мощнее.

— Усилит защитное поле. Ну, ползет в скафандр высокой защиты, если успеет.

— Ну, а ненормальный космонавт?

— Ненормальных не бывает.

— Ненормальный космонавт заранее наденет скафандр, а потом... — Симона еще раз посмотрела на рисунок ленты и пошевелила пальцем в воздухе, повторяя кривую, — потом возьмет дезактиватор и накроет его раструбом датчик прибора. Прибор трепыхнется и как паинька покажет нормальную активность.

— Зачем?

— Не имею представления. Ну, пошли.

— Последние известия, — сказала она голосом кибер-информа-

тора, входя в салон, — большой океанский лайнер доставил из Чикаго в Москву тысячу триста актеров, статистов и спенглистов-антигравитаристов «Беттерфлай-ревю». Гастроли продлятся полтора месяца. Во-вторых, десятого сентября ожидают извержения какой-то сопки. И, в-третьих, двоих ваших опять попросили с Венеры. Пытались любезничать с аборигенами.

Американцы промолчали, словно их это не касалось.

— И вот-вот будет спецсвязь с Землей.

Санги поднял пушистые каштановые ресницы.

— Чья-нибудь мама, — пояснила Ираида Васильевна.

Но это оказалась не мама, а Митька, и Симона с Ираидой Васильевой, извинившись, пошли в центральную, и Митькина голова уже сияла на экране, и по этой голове было видно, что сидит он на самом кончике стула.

— Здравствуй, мама, — сказал Митька и тыркнулся в самый экран.

— Здравствуй, Митя, — ответила Ираида Васильевна так строго, что Митька даже растерялся.

— Мама, а ты ни на что не сердисься?

— Что ты, сынуля! Я просто устала. А как у тебя с отметками?

«Ну, что она?» — с тоской подумала Симона и постаралась боком-боком вдвинуться в сектор передачи.

— Это вы, тетя Симона? — закричал Митька, и глаза его сделались узенькими и совершенно черными — никакого белка, просто черная щелка. Вот так дикарениши радовались, завидя добычу. И бросались на нее. Этот еще не умеет бросаться — этот пока только радуется.

— Ну, что тебе, человечий детеныш?

— Теть Симона, а я узнал: венериане все-таки инертными газами дышат. Это из Парижа передавали, на русском языке. Вот.

— А не путаешь, детеныш? В нашем воздухе ведь тоже присутствуют инертные газы — не в таком, конечно, количестве, как на Венере, но все же есть. Мы их и вдыхаем, и выдыхаем, и даже заглатываем. Но ведь мы ими не дышим и не питаемся. Понимаешь разницу или объяснить?

— Да тетя Симона же, — с отчаянием проговорил Митька, — ну как вы не хотите понять? Я же вам говорю — дышат. Ну, вдыхают там аргон или ксенон, а выдыхают уже совсем другое. Соединение. У них внутри соединяется.

— Фантастика, — пожалла плечами Симона. — И потом откуда французские ученые это взяли? Ведь никто еще не исследовал живого венерианина. Нельзя.

— Не знаю... — растерянно протянул Митька.

— Никогда не говори ничего такого, что тебе самому до конца не ясно, — терпеливо проговорила Ираида Васильевна. — Вероятно, очередная гипотеза, пытающаяся объяснить наличие в венерианской атмосфере различных соединений инертных газов. Поговорим об этом на Земле. А сейчас нам пора, сынуля. У нас гости.

— «Кара-Бугаз»?

Все, чертенята, знают, даже примерное расписание рейсовых планетолетов.

— Нет, — сказала Симона, — «Бригантина».

Митька внимательно посмотрел на Симону; скулы, обычно скрытые мальчишеской округлостью щек, проступили четко и тревожно...

— Познакомиться хочешь? — спросила Симона.

Ираида Васильевна недовольно обернулась к ней, но Симона как ни в чем не бывало уже успела щелкнуть тумблером. Ираида Васильевна только пожала плечами — собственно говоря, передача из салона в присутствии экипажа какого-либо корабля никогда не запрещалась.

— Господа, — сказала Симона, переходя в салон, — это Митя Монахов.

Космолетчики, как по команде, обернулись сначала к ней, а потом к фону дальней связи.

Митька увидел американцев и машинально поднялся. На экране были видны теперь только чуть примятая рубашка и трусы на трогательной резиночке.

— Сядь, Митя, — просто сказала Симона. — Это экипаж «Бригантины»: капитан Дэниел О'Брайн...

Дэниел кивнул почти приветливо, и Митька ответил ему сдержанным кивком, исполненным достоинства.

— ...космобиолог Мортусян...

Пино мотнул головой, Митька тоже мотнул.

— ...и второй пилот Стрейнджер.

Санти привстал, улыбнулся.

Митька кивнул без улыбки и исподлобья глянул на Симону; та едва заметно прикрыла глаза, но это был целый разговор, понятный только им двоим: «Ты, детеныш, не ожидал, что они такие. Да, капитан, по-видимому, герой и дельный парень. Мортусян — парень не дельный, не герой и вообще на планетолете фигура странная. А третий — настоящий враг. Это ты правильно угадал, человечиска. А что не подал виду — правильно. И что не улыбнулся ему — тоже очень правильно. Молодец!»

— Не буду вам мешать, — Митька явил весь свой такт, — до свиданья.

Ираида Васильевна немножко растерялась, перебирая привычные, но не подходящие в данном случае слова, и тем временем экран погас, и американцы по очереди стали говорить то хорошее, что всегда говорят матерям про детей, а Ираида Васильевна все думала, что про отметки он так и не успел рассказать — не вовремя всегда вмешивается эта Симона.

Ираида Васильевна вернулась на свое место. Все тактично молчали.

— А что, — Симона потянулась за леденцами, — завидно, да? Хочется еще в футбол и девчонок за косы?

— Подумаешь, — сказал Санти. — Вот прилечу и пойду играть в футбол. И за косы кого-нибудь тоже можно.

— Черт побери, — Симона высунула кончик языка с леденцом, скосила глаза и посмотрела на конфету — она была зеленая. — А вот я — уже старуха.

Дэниел медленно поднял на нее глаза. О чем она говорит? Почему он перестал понимать, о чем она говорит?

— Ну да, — протянул Санти, — а меня так и подмывает спросить вас, в котором вы классе.

— В пятом, — с готовностью отозвалась Симона. — Лучше всего — в пятом.

Все, естественно, выразили на своих лицах необходимое недоумение — почему, мол, обязательно в пятом.

— Меня в пятом три раза из школы выгоняли. Бесповоротно. И обратно принимали. Скучал без меня директор.

Санти наклонил светлую голову к самому столу, восторженно посмотрел на Симону снизу.

— Мадам, — проникновенно проговорил он, — куда бы вы еще ни полетели — возьмите меня с собой. Готов следовать за вами в качестве оруженосца, раба, робота...

— Идет, — Симона трянула лохматой гривой, — идет. Только не бойтесь?

— Нет, мадам.

— Молодец, мой мальчик. Но мы пойдем сквозь пояс чудовищной радиации... И все-таки не бойтесь?

— С вами, мадам?

— Правильно. Чего же бояться? Мы просто наденем антирадиационные скафандры, возьмем дезактиватор и... накроем его раструбом бортовой дозиметр. Здорово?

Лицо капитана, застывшее в снисходительно-насмешливой улыбке. Круглеющие от страха глазки Мортусяна. Санти поднял пушистые девичьи ресницы — хлоп, хлоп, пленительно улыбнулся:

— А зачем?

— Это-то я и хочу знать: зачем?

Казалось, Симона сейчас протянет свою огромную лапу, словно папиросную бумагу, прорвет синтериклон и накроет маленького Санти, и он трепыхнется под ее рукой — и затихнет, пойманный...

И тут вскочила Паола. Ничего не понимая, но инстинктивно предугадывая надвигающуюся на Дэниела опасность, она бросилась вперед, словно воробышка, растопырив перышки:

— Ой, не отпускайте мистера Стрейнджера, капитан. Честное слово, это плохо кончится. А если он вам не нужен, то лучше оставьте его здесь, на станции...

Все дружно рассмеялись. Все, кроме Симоны.

«Господи, да что же я делаю? — неожиданно подумала она, — что делаем мы с Адой? К чему вся эта мышинная возня с предполагаемой контрабандой, которую мы, наверное, не найдем, потому что ее попросту не существует? А потеряем мы Пашку. Потеряем нашу Пашку. А нашу ли? Нам казалось, что достаточно прожить вместе несколько лет, как она автоматически станет нашей. А вот вышло — она чужая, и мы для нее — враги. Понимает, что мы что-то затеяли, и готова на все — именно на все, на драку, на предательство, лишь бы защитить тех, своих. Так что же вы смотрите, Ада, Ираида, куда вы смотрите? От нас же уходит человек...»

А Ираида Васильевна с Адой смотрели на Санти. От него

действительно трудно было глаза отвести. Симона неслышно вздохнула.

— Очень-то нам нужны тут на станции такие — рыжие, — медленно проговорила она. А про себя подумала: «Самоуверенный красавчик. Всем вам наша Пашка совсем не нужна. И все-таки она уходит к вам».

— О, черт, — сказала она вслух и резко встала. — Да куда я вас с собой не возьму.

VII. ДЕНЬ ТРЕТИЙ. НИЧЕГО

Ираида Васильевна быстро вошла в центральную.

-- Симона, может быть, вы мне объясните?..

А что объяснять? И как это объяснить, что Пашка, которая умела так незаметно и преданно заботиться обо всех, некрасивый, почти уродливый чертенок, неопытный еще чертенок, застенчивый, с каждым часом становится все более чужой, и еще немного — и этот процесс отчуждения станет необратимым, потому что в каждом уходе одного человека от другого — или

от других — есть такой предел, после которого возвращение уже невозможно.

— Ираида Васильевна, — устало сказала Симона, — мы имеем основание полагать, что контрольная регистрирующая аппаратура не полностью и не всегда точно записывала процессы, происходящие в кабине корабля.

— Ну, Симона, голубушка, чтобы так говорить, надо действительно иметь веские доказательства.

Симона промолчала. Какие тут к черту веские доказательства — несколько мизерных всплесков на диаграммах да интуитивная уверенность в том, что «Бригантина» посудина нечистая.

— Мы располагаем несколькими фактами, каждый из которых сам по себе вполне допустим, но все вместе они наводят на некоторые подозрения, — четко, как всегда, проговорила Ада. — Во-первых, тяжелые антирадиационные скафандры. Как вам известно, эти неуклюжие сооружения на других кораблях используются сравнительно редко — в случае непосредственной опасности. А на «Бригантине», на этом благополучном корабле, скафандры надевают в каждом рейсе. Хотя бы раз — ведь пломба со скафандра снимается лишь однажды, и мы не можем проследить, сколько раз он был в употреблении — два или двадцать два.

— Но ведь каждый раз на это имеются причины? — строго проговорила Ираида Васильевна. — Или в бортовом журнале...

— А, бортовой журнал, — махнула рукой Симона. — Там всегда какая-нибудь липа. «Обнаружили в кабине кусочек неизвестной породы». Приняли за венерианскую, полезли в скафандры. Это было во втором рейсе, я, естественно, попросила показать — обыкновенный кварц. Даже слишком чистый для тех, что прямо на дороге валяются. Похоже, из коллекции сперли. Кварц с Венеры. Смешно. Кварц в кабине корабля, который никогда в жизни не опускался на поверхность какой-либо планеты. Тоже смешно.

— А сейчас что? — быстро спросила Ираида Васильевна.

— Якобы получили сигнал с «Линкольн Стар» о полосе радиации.

— Допустимо, — степенно проговорила Ираида Васильевна. — Блуждающее облако. Вполне вероятно. А «Линкольн Стар» запросили?

— Они сигналы подтвердили. Но...

— Но?

— «Токио» шел в том же секторе. А вот ему сигнала не дали.

— Ну, это их семейное дело. У «Токио», может, защита сильнее.

— Ну да, это же кроха, космический репинчер. И не в этом суть. Подозрительно то, что все эти происшествия случаются только в обратном рейсе. И примерно двенадцать часов спустя после старта с «Венеры-дубль».

— Все четыре раза? Совпадение.

— Да поймите же! — Симона стукнула кулаком по плексовой панели просмотрного столика так, что он загудел. — Таких совпадений в природе не бывает! Исключено.

Ираида Васильевна флегматично пожала плечами.

— Но я вижу — вот здесь, под плексом, который уцелел каким-то чудом, — ведь это лента с дозиметра? Всплеск радиации налицо. Так что не исключено, милая Симона, с фактами надо мириться. Радиация, по всей вероятности, внешняя.

— Нет, — сказала Симона. — По величине пика и по характеру затухания — не внешняя. И уж если вы хотите исследовать эту диаграмму, то обратите внимание на вот эти довольно периодические пички. Помехи? Нет. Законные пички. Малосенские только. Откуда бы им взяться, таким стройненьким? При внешнем потоке они были бы горбиком — вот такие размазанные. А они как иголочки. И двойные. Словно что-то делали. Делали два раза — туда и обратно. Что?

— Ничего, — так же невозмутимо произнесла Ираида Васильевна. — Хотя, конечно, вы имеете право на любые предположения. Но задерживать корабль, обвинять команду в контрабанде из-за таких микроскопических штрихов на ленте — это абсурд, мания преследования, извините меня. Единственное, что мы вправе сделать, — это составить докладную на имя Холяева, а после разгрузки корабля запросить бригаду на дополнительную выверку приборов.

— Ираида Васильевна, — отчеканивая каждое слово, проговорила Симона, — команда «Бригантины» систематически открывала люк грузовой камеры. Вернее, люк в тамбурную между пассажирским и грузовым отсеками. Первый всплеск радиации отмечен дозиметром во всей своей красе. Все последующие глушились дезактиватором — им просто закрывали дозиметр.

— Доказательства.

— Вот полюбуйтесь. Я послала кибера в каюту, он приподнял люк. Ровно на то время, которое требуется человеку, чтобы спуститься в тамбурную камеру. Вот пик. Забавное тождество, не правда ли? А вот то же самое, но дозиметр закрыт растробом дезактиватора. Убедительно?

— Похоже, — как-то чересчур быстро согласилась Ираида Васильевна. — Но помните старинную геологическую притчу о лягушке, которая прыгнула в ямку с сейсмографом, отчего тот зарегистрировал землетрясение в десять баллов? Между прочим, над незадачливым прибористом, который думал, что он проспал такое землетрясение, все смеялись. Мне что-то не хочется, чтобы вся система «Первой Козырева» потешалась над тем, как на «Арамсе» тоже открыли несуществовавшее землетрясение.

— Все равно, — упрямо проговорила Симона, — моей визы на разгрузку «Бригантины» не будет.

Ираида Васильевна только руками развела.

— Чего же вы требуете?

— Вскрыть контейнеры с грузом.

Тут даже Ада разинула рот.

— Симона, — проговорилла она, — ты... это же двести во семьдесят штук!

— А что делать? Где искать?

— Что искать? — буквально застонала Ираида Васильевна. — Если бы вы хоть сами могли предположить, что искать?

— Причину, по которой американцы спускались в тамбурную камеру.

— Так и ищите в тамбурной.

— Голые стены. Голые титанировые стены. Титанир в тридцать миллиметров толщиной. Так что камера исключается, хотя они именно в нее и ползали.

— Наденьте антирадиационный скафандр и сами идите в камеру, — решительно распорядилась Ираида Васильевна. — Если вы там ничего не обнаружите — сегодня вечером «Бригантина» уйдет на «Первую Козырева».

— Надо думать, не уйдет. А тебе, Паша, что?

— Ничего, — кротко сказала Паола. — Прибраться хотела.

«Слышала, радуется», — подумала Симона.

— Иди спать. Третий час. Только притащи нам сифончик, мы ведь тут до утра. Если не до вечера.

— Сейчас.

Паола застучала каблучками по коридору. Но Симона ошиблась — радости не было. Что-то случилось. Что-то нависло над ними. Просто так корабль не задерживают.

А знают ли они?

Паола тихонько ахнула, сифон упал на пол и запрыгал, как мячик. Никогда еще она сама не включала каюту капитана. Она убирала ее перед приходом корабля, приготавливала земной костюм и ставила четыре махровых мака, но никогда не включала сама фон его каюты.

Паола оглянулась — никого. Щелкнула тумблером.

Дэниел стоял у иллюминатора. Сейчас из его каюты нельзя было увидеть Землю, и он смотрел просто в темноту, и Паола вдруг поняла, как же худо ему и как она ничем, никогда не сможет ему помочь. Потому что она никогда не будет нужна ему.

— Капитан, — сказала она шепотом.

Дэниел обернулся. Увидел Паолу. Всего только Паолу.

Паола проглотила сухой комочек.

— Не хотите ли какую-нибудь книгу, мистер О'Брайн?

— Благодарю. Я не люблю читать урывками.

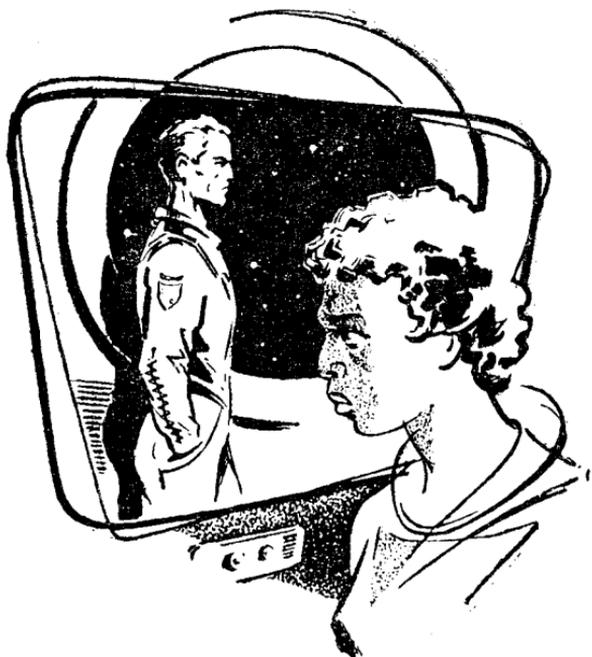
— А если вы здесь задержитесь, мистер О'Брайн?

Дэниел долго и очень спокойно смотрел на Паолу. Смотрел так, как нельзя смотреть на некрасивых.

— Благодарю вас, мисс, — сказал он просто. — Пришлите что-нибудь по вашему выбору.

А Симона с Адой действительно просидели до утра. Симона в тяжеленном скафандре облазила всю тамбурную, и, когда утро наступило, не оставалось ничего, как сидеть до вечера, и Симона с Адой снова сидели, до слез вглядываясь в желтовато-оливковый экран, на котором было видно, как всеильные киберы обнохивают и простукивают каждый контейнер, каждую пядь стен, переборки и локов, и каждый паз, и каждую заклепку, и — ничего.

И ничего.

VIII. БЕЛЫЙ КАМЕНЬ У МЕНЯ, У МЕНЯ...

— Вот так, — сказала Ираида Васильевна. — Не вижу оснований продолжать карантин. Киберы и механизмы «Бригантины» убрать, в помещениях станции поднять синтериклон.

Симона свесила лохматую голову на правое плечо, пошла выполнять приказание. Хорошо, что успела обо всем доложить Холяеву еще утром — сейчас уже было бы поздно, уже вечер.

Этот прощальный вечер за общим столом, не разделенным на две половины, всегда носил отпечаток какой-то торжественности. Сама церемония поднятия перегородки уже символизировала объединение со всеми людьми Земли. Обычно незадолго до нее командир станции вызывал с «Первой Козырева» буксирную ракету, и таким образом первый общий ужин превращался в прощальный. Паола, побледневшая и повзрослевшая, бесшумно наклонялась над креслами — по традиции, установленной

ею самой. В этот прощальный вечер никакие киберы в кают-компанию не допускались. Официально это подчеркивало уважение хозяев к гостям, на самом же деле — позволяло Паоле хотя бы невзначай подойти к капитану О'Брайну.

Симона, так и не ложившаяся в эту ночь, сидела, подпершись рукой на манер Ираиды Васильевны, а за столом царствовал неугомонный Санти, который, притворно вздыхая и чересчур демонстративно добываясь всеобщей жалости, рассказывал горестную историю своего детства, прошедшего в унылой и академической обстановке роскошного дворца его папочки, миллиардера старого закала, который довел своего единственного сына до необходимости сбежать в школу космонавтов, за что последний был пр-р-рокият со всей корректностью выходца из викторианской Англии.

Санти пожалели и накормили манговым джемом.

Ираида Васильевна качала головой, простодушно удивлялась.

— Прямо не верится, что у вас так не жалуют космолетчиков. Вон у нас Колю Агеева каждый школьник знает.

— Тем не менее это действительно так. Интерес к межпланетчикам угас сразу же, как прекратились сенсации. Установление же регулярных рейсов между Венерой, Марсом, Землей и астероидами низвело космолетчиков до положения шоферов или даже кучеров. Не смейтесь. Это печально, потому что такое отношение к нам господствует не только в высших кругах, но распространилось на все слои общества.

— Да, — вставила Паола. — «На своей Земле» — помните?

— «На своей Земле»...

Это была модная американская песенка, и написали ее явно не профессионалы, это чувствовалось и по довольно примитивной мелодии и по словам, неуклюжим и грубоватым, и все заставили Санти ее слетать, и Паола согласилась подпевать, и только капитан немного нахмурился, когда Санти затянул, отбивая такт тонкими и аристократическими (теперь-то это сразу бросалось в глаза) пальцами:

Пусть другие оставят родной порог,
Уходя на космическом корабле, —
Нам хватит забот и хватит тревог
На своей Земле, на своей Земле.

Пусть другие целуют своих подруг,
Унося тоску о земном тепле;
Нам хватит нелегких своих разлук
На своей Земле, на своей Земле.

Пусть других погребает навек Луна,
Пусть другие сгорают в межзвездной мгле,
Но горя и так мы хлебом сполна
На своей Земле, на своей Земле...

— А песенка-то с душком, — сказала неожиданно Симона, — и порочит славное племя межпланетчиков. Так что ты нам ее больше не пой, Паша. Одно верно: не говоря там о всяких Венерах с венерианами, мы еще хлебом забот на собственной ма-тушке.

Она постучала костяной ручкой ножа по столу, словно под его ножками действительно была Земля. И тут раздался сигнал вызова. Симона с Ираидой Васильевной переглянулись. Похоже, что на связь выходил сам Холяев. Они извинились и прошли в центральную.

Паола присела на ручку опустевшего кресла. Ну, вот и все. Ничто их не задержит. Можно уже не стесняться и смотреть, смотреть до тех пор, пока не войдет Симона и не скажет, что подходит буксирная ракета.

— Джентльмены, — сказала Симона, быстро возвращаясь в кают-компанию, — вынуждена сообщить вам, что «Бригантина» задерживается на нашей станции на неопределенное время, — и оглянулась на Ираиду Васильевну.

Холяев разрешил задержать «Бригантину» только на двенадцать часов.

— Миссис Монахова, — капитан поднялся, — я прошу представить мне фон для переговоров с правлением компании.

— Прямая связь с Вашингтоном завтра в девять пятьдесят. Но если вы настаиваете...

— О нет, это время меня вполне устраивает. Тем более что характер груза допускает и более длительную задержку.

Санги, поднявшийся было вместе с капитаном, плюхнулся обратно в кресло.

— Ну, а что касается меня... — он запрокинул голову, глянул на Паолу и почти счастливо засмеялся, — то я ни о чем ином и не мечтал.

Капитан сдержанно поклонился всем присутствующим и повернулся, чтобы идти в каюту. Но Симона стояла у двери, ведущей в коридор, и ему пришлось поклониться ей отдельно, и она ответила ему приветливым кивком, даже слишком приветливым для того, чтобы не быть насмешливым. Чертова баба! Все они чертovy бабы.

Дэнниел уперся лбом в холодное стекло иллюминатора. Все они... Ерунда! Вовсе не все. Их и нет — всех. Существует только одна — эта проклятая Симона. Североафриканская лошадь. Грязная марокканка.

Что бы там ни пел этот красавчик Санги про то, что космонавты утратили свою былую популярность, — все равно Дэнниел чувствовал себя вне конкуренции — «джентльмен космоса», черт побери, такие титулы остаются пожизненно и чего-то да стоят. И если в промежутках между двумя рейсами прихоть толкала его к какой-либо женщине, то будь она хоть дочерью президента компании, а не такой вот черной образиной...

— Капитан, — раздался голос, непохожий на все те голоса, которые могли обращаться к нему просто так — капитан.

Дэнниел включил экран.

В каюте теперь были двое — капитан «Бригантины» Дэннел О'Брайн и Санти Стрейнджер, мальчишка, второй пилот в первом рейсе.

— Капитан, — и снова этот удивительный голос, звенящий, как труба, подающая сигнал к началу военных действий, наполнил маленькую каюту, — «Бригантина» не идет на «Первую Козырева», значит, у нас не будет предлога, как всегда, включить регенератор. А запаса воздуха хватит лишь на полдня. Если этой ночью кто-нибудь из нас не попадет на корабль и не наполнит резервуар свежим воздухом — груз погибнет. Есть единственный выход, поэтому вы сделаете вот что, капитан...

Он не предлагал и не приказывал. Он просто сказал: «Вы делаете, капитан».

Когда Дэннел вернулся в кают-компанию, Симоны там уже не было. И этой, с геометрическими бровями, тоже. Дэннел облегченно вздохнул. Главное — никто не посмеет следить за ними...

— Мисс, — сказал он, обращаясь к Паоле, — не будете ли вы любезны провести меня в библиотеку?

Ираида Васильевна вдруг улыбнулась так широко и недвусмысленно, словно О'Брайн обратился именно к ней.

— Да, конечно, конечно, — закивала она. — Паша с радостью...

Паола, потерявшая дар речи, стояла перед ним и все дергала свою голубую форменную курточку, и он улыбнулся своей сдержанной улыбкой «джентльмена космоса», и тогда Паола, словно ее подтолкнули в спину, засеменила по коридору к библиотеке, даже забыв пригласить Дэнниела следовать за собой.

— Вот, — сказала она, когда дверь за ними закрылась и они очутились в тесной комнатке, заставленной книгами и ящиками с обоями микрофильмов.

«До чего же не хочется», — подумал Дэннел и, протянув руку, взял первый попавшийся пухлый том. «Атлас цветов и растений». Чутье какая. Станция, летящая в Пространстве, — и «Атлас цветов и растений». А то, что он сейчас сам делает, — это не чутье?

— Вы изучаете цветы? — медленно — до чего же не хотелось говорить! — произнес он.

— Нет, — Паола прижала руки к животу, смотрела на него снизу вверх, благоговейно хлопая ресницами. — Я просто их люблю.

— Любить — это прежде всего знать, — так же медленно и прекрасно понимая, что он говорит откровенную ересь, заметил О'Брайн. Было все равно, что говорить. Нужно было только дать себе время на то, чтобы побороть естественную гадливость, внушить себе, что ты солдат, а не кисейная барышня; солдат добровольный, чье жалованье — независимость на время полета, а долг — вот это. А потом прикрыть глаза, задержать дыхание и сказать: «Иди сюда». — Любить — это знать, — повторил О'Брайн, только чтобы не говорить того, что нужно сказать.

— И нет, — сказала Паола, — и не обязательно. Вот самые мои любимые цветы — глицинии. Это огромные лиловые коло-

кольчики, глянцевые, словно сделанные из восковой бумаги, а листики малюсенькие, темно-зеленые и тоже словно восковые. Если цветок в воду бросить — он потонет, тяжелый такой. А под водой засветится лиловым светом. Это мои глицинии. Я их такими люблю. А какие они на самом деле — не знаю. Никогда не видела. Но ведь это неважно, правда? Важно, какими я их люблю.

Дэнниел не отвечал ей. «А я никогда не был на севере Африки, — думал он. — Для меня Марокко — это тонкий белый песок, и не холмами — ровной пеленой, как снег. И эта огромная женщина с копной жестких, звериных волос... Чтобы схватить за эти волосы, бросить на песок и видеть глаза, черные до лилового блеска, остекленевшие от ужаса, как замороженные сливы, и живой хруст ломающихся пальцев...»

— Поди сюда, — сказал капитан О'Брайн, и Паола не шагнула — качнулась навстречу ему — просто ноги не успели сделать этого шага.

Марсианин сидел, выставив заднюю ногу пистолетом, и вылизывал ее, так что розовая шерсть ложилась лоснящимися влажными дорожками. Когда Симона подошла, он опустил ногу и с убийственным акцентом сказал:

— Бынжюр.

— Привет, — сказала Симона, присаживаясь перед ним на корточки. — Ты Аду видел?

— Не видел, — сказал марсианин.

— А Ираиду Васильевну видел?

— Не видел, — снова сказал марсианин. — А вот Кольку твоего видел. Он сюда летит. Скоро будет.

— Где же скоро? — вздохнула Симона. — Еще два с половиной миллиона лет ждать.

— Больше ждала, — наставительно заметил марсианин и почесал пушистое кремное брюшко. — И еще подождешь.

— А Паолу видел?

Марсианин потянулся и откопал в красной марсианской траве старенький транзисторный приемник. Полились сладкие звуки «Свадебного марша» Мендельсона.

— Счастливая Паша! — патетически воскликнул марсианин голосом Ираиды Васильевны.

— Что-то ты врешь сегодня, — заметила Симона, — всем счастья наобещал.

— А я так и должен, — сказал марсианин, — я розовый.

Симона рассердилась на него — и проснулась.

Еще не вполне сознавая что к чему, она подняла руку и щелкнула тумблером.

— Пашка, — позвала она, — Пашка!

Экран фона упорно оставался темным: видно, Паола еще не приходила в свою каюту. Симона мельком глянула на часы —

крошечный такой кружочек на огромной смуглой ручище. Скверно — половина двенадцатого, проспала больше, чем собиралась. Но где же этот чертенок? Просила ведь по-человечески — разбудить через час.

Защелкали тумблеры короткого фона: кухня, коридор, кладовая, салон... Пусто. Симона вскопчила. Последние кнопки, судорожные вспышки контрольных лампочек: кибернетическая — ванная, шлюзовая — библиотека — все.

И — каюта начальника станции.

— Паша... — выдохнула Симона, словно всю станцию она сейчас обежала бегом.

— Это я разрешила, — каким-то деревянным, безжизненным голосом произнесла Ираида Васильевна.

Симона сунула босые ноги в туфли и, как была в мятой после сна юбке, лохматая, вылетела в коридор и ворвалась в каюту своего начальника.

— Пашка что — у него?

Ираида Васильевна, прямая как палка и застегнутая на все пуговицы, стояла посреди каюты.

— Час назад Паола Пинкстоун попросила разрешения вместе с капитаном О'Брайном осмотреть «Бригантину».

Симона села на ее аккуратно застеленную постель.

— Какого черта?!

— Симона, — отчеканила Ираида Васильевна, и Симона стало до отчаянья ясно, что ничему уже не помочь, и вовсе не потому, что в Пространстве приказы начальника не обсуждаются — именно за этим она сейчас и прибежала; но уходит время и вместе с ним возможность вытащить эту дурочку из всей этой помойки, — как начальник станции я несу ответственность...

— Ах, да при чем здесь инструкция! — Симона запустила пальцы в волосы, потом откинула их, чтобы не мешали смотреть, и тихо, глядя в упор на раскосые, как у Митьки, глаза, спросила: — Послушайте, а вы вообще разбираетесь в мужчинах?

Ираида Васильевна побледнела до желтизны.

— Нет, — сказала она, — ну и что же?

— А вы можете мне поверить, что это всего лишь забава, случайная ночь на станции, эдакая перчинка после президентских дочек и грудастых фонов звезд.

— Да, — сказала Ираида Васильевна, — ну и что же?

Тут даже Симона оторопела.

— Пусть даже вы не ошиблись, — продолжала Ираида Васильевна. — Ну и что же? Пусть — так, и все-таки это может стать для нее счастьем на всю жизнь. Чудес не бывает, Симона, и капитан этот, баловень, никогда не поймет, что за невзрачной рожцей — человек. Не без глаз я, вижу, что не пара они. Ну и что же? Уйдет. Бросит. Забудет. Но для нее-то — на всю жизнь, да так, чтобы каждую ночь вспоминать. Потому что нет счастья горше и священнее, чем счастье памяти. Только откуда вам про такое счастье знать? У вас-то оно всегда при себе... А если и беду обернется для нее эта ночь, все равно это будет ЕЕ горе. И чем бы это ни было — все равно для нее это слишком большое, чтобы чужими руками заслонять...

Симона поднялась, пошла к иллюминатору. «Это я-то не знаю, что такое счастье памяти?» — и задохнулась вдруг, потому что так вот иногда не хватало его, как в миг смерти не хватает жизни.

Было слышно, как Ираида Васильевна тяжело опустилась на стул.

— Паша — взрослая, — сказала она уже другим голосом. — Не Митя же, в самом деле. А вообще странно, что не вы мне, а я вам все это говорю. Вроде бы вы должны были взять Пашу за руку да к капитану ее свести — люби, мол, куда любится. Вы уж простите меня, Симона, только странно мне как-то, что на любовь-то вы только для себя щедрая.

Симона повернулась и вихрем вылетела в коридор. Сзади, в аккуратной маленькой каюте Ираиды Васильевны, что-то валилось и рушилось.

— Ты знаешь?.. — спросила Ада.

Симона кивнула.

— У них там три кибера, не успели еще вывести. Все на контроле приборов. С передачей в центральную. О'Брайн включил только регенератор воздуха.

— Естественно, — сказала Симона.

Некоторое время обе они молчали, невольно прислушиваясь, словно из планетолета могли донестись какие-нибудь звуки.

— Знаешь, я много раз думала, — продолжала Ада: эти ночные бдения в центральной удивительно располагали к неторопливым беседам, — когда же наша Ираида решится хоть на какой-нибудь самостоятельный шаг, хоть на вершок выходящий за рамки инструкций. Но уж никогда не предполагала, что это может случиться по такому поводу.

— А что? — устало возразила Симона. — Все правильно. Хороший повод — счастье человеческое. А ты еще не думала, почему именно она — начальник нашей станции? Именно поэтому. Потому, что она всех нас человечнее. И спокойнее. Дай нам с тобой волю, мы бы эту несчастную «Бригантину» по винтикам разнесли. А потом неизвестно, кто платил бы штраф в пользу этого Себастьяна Неро. Потому что нет ничего. Это нам только хочется всяких там чудес. Приключений.

— А ты устала, — спокойно заметила Ада.

— Ничего не устала, — фыркнула Симона. — Просто она права. Плевать надо на все инструкции и заботиться об одном — как даже самую маленькую, самую ненужненькую любовь вынянчить, вылизать, отогреть. Как слепого звереныша. И потом только любоваться, как она вырастает в могучее, прекрасное чудышко.

— Чудо — или чудовище? — скептически ухмыльнулась Ада.

— Чудышко. Невероятное и каждый раз доселе невиданное.

— Ерунда, — решительно заявила Ада. — Вот меня занимает один вопрос: почему из пассажирского отсека в тамбурную сделан узенький люк — ровно на одного человека, а из тамбурной в грузовой отсек — широченный, как раз такой, что целый контейнер пролезет?

— Заскоки конструкторской мысли, — махнула рукой Симона

и потянула к себе план расположения контейнеров в грузовом отсеке.

Над этим планом, накануне уже изученным вдоль и поперек, они и просидели до утра, до пяти часов, когда дверь в центральную неожиданно откатилась и на пороге появилась Паола. Она вошла и остановилась, потому что не ожидала встретить никого, да и не могла ожидать просто потому, что не помнила ни о чем, и шла, как пьяная, шла тихонечко-тихонечко, словно то, что было, еще лежало на ее руках, и губах, и на всей ней, и это надо было не стряхнуть, уберечь... И когда увидела Симону и Аду, вдруг не расплылась, как должна была бы, в своей детской улыбке, а посмотрела на них спокойно и чуть-чуть горделиво, как равная на равных.

Все молчали, и вдруг Ада, может быть, немного ошалевшая после второй бессонной ночи, спросила:

— Ну что?

Паола некоторое время молчала, видимо соображая, о чем ее спросили; потом ответила — опять очень спокойно, без улыбки:

— Вполне современный корабль. Душно только.

И вышла, бесшумно притворив дверь.

— Ты что, обалдела? — спросила Симона.

— Обалдеешь, — ответила Ада. — Двести восемьдесят. Почти три сотни бетонированных бегемотов.

— Вот именно, — задумчиво проговорила Симона, — почти три сотни. Почти. На «Первой Козырева» их будут перегружать прямо на американских «муравьев», и кто заметит, если их вдруг окажется двести восемьдесят один...

— Ну, знаешь, спрятать целый контейнер — это невероятно.

— Вот это мы сейчас и проверим. Кстати, есть у нас обыкновенная рулетка? Не кибер-измеритель, а просто рулетка? Чудно. Подними-ка заслонку.

Ада подождала, пока Симона наденет лиловый скафандр, блестящий морозной пылью, словно очень спелая винограда; потом нажала молочную клавишу, и прозрачная пленка, закрывавшая трап, перекинута на корабль, поднялась и пропустила Симону. Ада включила шлюзовую «Арамиса»: было видно, как Симона, пригнувшись, входит в черную дыру перехода.

Около девяти часов, незаметно позавтракав в своих каютах — вместе все собирались только за ужином, — экипажи таможенной станции и американского корабля сошлись в кают-компаниях. Все подтянутые, корректные, сдержанные. Симона, нагнувшись над межпланетным фоном, старательно настраивалась на Землю — пусть этот джентльмен поговорит со своим Вашингтоном. Все равно в двенадцать часов придется их отпустить, и международного скандала не получится. В крайнем случае Холякс принесет извинения.

Космонавты расположились возле двери.

«...продукцию фирмы «Синетикал альбумин». Мы далеки от мысли выдать нашим слушателям секрет синтеза белковых веществ. Скажем больше — мы сами его не знаем. Чудодейственный катализатор, известный только самому Себастьяну Неро, этому знаменитому ученому, крупнейшему бизнесмену, выдающемуся политическому...»

Симона приглушила звук, обернулась — уж очень это противно, когда у тебя между лопатками ползает вот такой взгляд. Хотя бы ради приличия смотрел на Паолу... Ага, догадался, гад. И то хорошо.

На экране фона замелькала зеленая вспышка — сигнал того, что обе стороны вышли на связь. И тотчас же экран озарился малиновой апоплексической лысиной знаменитого ученого и крупнейшего бизнесмена, единоличного хозяина «Бригантины».

Дэниел О'Брайн вытянулся по-военному, заслонив собой остальных.

— Сэр, доверенный мне корабль задержан на таможенной станции «Арамис» без указания причин.

— Знаю, — сказал Себастьян Неро и, приблизив к экрану бесцветные глаза, медленно добавил: — Инструкции вам известны.

Экран погас.

Собственно говоря, ничего не было сказано, но тем не менее у Симоны осталось ощущение, словно американцы получили какой-то приказ, причем в такой форме, которая исключала неповиновение.

— Мне очень жаль, — поднялась Ираида Васильевна, — что из-за кратковременности связи мы не могли уточнить причину вашей задержки и мистер Неро оказался не полностью информированным. Дело в том, что мы запросили разрешение на вскрытие контейнеров с грузом здесь, на нашей станции.

Космолетчики поднялись и подошли к своему капитану.

— Имеете ли вы основания для такого требования? — спросил О'Брайн.

Симона из своего угла вставила:

— Оснований, которые мы могли бы предъявить вам здесь и сейчас, мы не имеем.

Все, как по команде, повернулись к ней.

— И все-таки вы настаиваете на вскрытии всех двухсот восьмидесяти контейнеров?

— Да, — сказала Симона и с откровенным любопытством поглядела на них снизу вверх, — но особенно интересует меня двести восемьдесят первый контейнер — тот, который лежит на полу промежуточной тамбурной камеры между грузовым и пассажирским отсеками.

Санги небрежно повел плечиком.

— В том, что эта камера пуста, мы легко убедимся, если свяжемся с ней по короткому fonу.

— Короткий фон для связи с вашим кораблем находится в центральной рубке, о чем я весьма сожалею, — не вставая со своего кресла, проговорила Симона. — А то, что под тамбурной камеры — это верхняя крышка плоского контейнера, можно доказать простым вскрытием пола.

— Я прошу немедленно послать на базу запрос на соответствующую аппаратуру для резки титанира. А пока — весьма сожалею.

Дэниел сдвинул каблучки. Симона в ответ свесила голову на-

бок. Но Дэниел уже не смотрел на нее, а шел к Паоле, но остановился, не дойдя одного шага, и наклонился над ней так бережно, что все отвели глаза, и что-то очень тихо сказал ей, и она подняла к нему свою обезьянью мордочку, ничуть не похорошевшую, как почему-то всем хотелось, и с каким-то безнадежным спокойствием, потрясшим Симону, ясно, на всю комнату, сказала:

— Да.

Капитан обернулся к остальным межпланетчикам, и они, не произнеся больше ни слова, вышли из кают-компании.

«Кажется, я порядочная дубина», — почти без тени сомнения подумала Симона.

Паола легко, как-то плечами оттолкнулась от стены, неслышно пересекла комнату и исчезла за дверью, ведущей в центральную.

— Ну, Симона, ты сегодня... — Ада только головой покрутила, — фантастика на грани техники.

— Да, — согласилась та, — насчет контейнера, что в промежуточной камере, я малость перегнула. Хотя это не исключено — размеры совпадают, там на полу как раз поместится контейнер. Пошлю на «Первую Козырева» частное заключение — пусть еще раз проверят, прежде чем ставить «Бригантину» на перегрузку.

— Да, Симона, — сказала Ираида Васильевна, — я вам не советую показываться на глаза этой троице, когда в двенадцать за ними придет буксирная ракета. А пока...

Но Симона уже бежала к центральной, еще не осознав, что там случилось, гонимая тем шестым чувством каждого межпланетчика, какого, может быть, объективно и не существует в природе, но которое все-таки подняло ее и бросило вслед Паоле; и в проеме распахнувшейся двери все увидели голубую фигурку, лежащую на пульте внутреннего управления, чтобы всей тяжестью тела, всей силой маленьких рук вдавить в гнездо выпуклую, словно белый камушек, клавишу перекрытия трапа.

Синтериклоновая заслонка была поднята, проход на «Бригантину» открыт.

IX. ПЯТЫЙ АКТ

— Сюда! — крикнула Симона и, когда Ираида Васильевна с Адой вбежали в центральную, сорвала предохранительную сетку и замкнула цепь герметизации всех отсеков.

И только после этого подняла огромную руку и смахнула Паолу с пульта.

Паола упала на колени и некоторое время так и лежала не

шевелилась; потом подняла лицо — спокойное лицо человека, который сделал все, что должен был и что мог, и увидела на экране черную кишку трапа, и поняла, что там, на «Бригантине», уже успели задрать люк; а потом всю станцию трянуло, и Симона вцепилась в верньер генератора силы тяжести, и на миг стало легко, а потом станцию бросило в сторону и завертело, и Паола не могла понять, что же происходит, и хваталась за металлические коробки приборов, но руки соскальзывали с покатых, крытых серебристым лаком плоскостей, и все это было еще не так уж страшно, пока пол вдруг не вздыбился вверх, и пчеловеческий ужас крушения мира, взметнувшийся, как веер взрыва, заслонил собой и гибнущих рядом людей, и гремящий водоворот неподвижных доселе вещей, и даже мысль об уходящей «Бригантине», оставляя крошечному, ежавшемуся в комок телу только маленький страх собственного бесследного исчезновения.

А потом все вдруг разом остановилось.

И Симона, висевшая каким-то чудом на пульте, сползла на пол.

— Едва вырвались из-под дюз, — хрипло сказала она лежащей рядом Ираиде Васильевне и вытерла лицо рукавом свитера. — Хотели сжечь двигателями, сволочи.

Свитер был грубый, из распухших губ пошла кровь. Симона поднялась на колени, включила экран внешнего обзора.

— Уходят... — и резко поднялась. — Ада, на локатор! — И еще одна предохранительная сетка полетела на пол, сетка, не снимавшаяся еще нигде и никогда. — Торпеды, Ада!

Это жуткое, древнее, как сама война, слово подняло Паолу, и она, перескочив через Иранду Васильевну, все еще лежавшую на полу, повисла на руке Симоны.

— Не смейте! Там же люди! Слышите? Не смейте! Это же убийство!

Симона стянула ее и, видя, что Ада поднимается с трудом, сама потянулась к локатору, и Паола снова бросилась на нее, вцепилась мертвой хваткой, закрыв глаза и хрипя, захлебываясь, задыхаясь, цепенея:

— Не дам... Убийцы... Негодяи... Коммунисты...

Пол снова наклонился, радужная точка на экране локатора нырнула под перекрещивание черных нитей, и тогда Симона, не пытаясь больше отделиться от Паолы, двумя руками надавила четыре маленькие клавиши.

Станцию трянуло в последний раз, четыре ракеты вырвались вперед из невидимых до сих пор гнезд и помчались к уходящему кораблю, расходясь, чтобы не попасть под огонь его дюз. Вот они обогнали его и снова сошлись, и Паола уже просто смотрела на экран и молча ждала взрыва. Но его не было, потому что ракеты создавали только тормозящее поле, в котором корабль неуклонно терял скорость, пока не останавливался совсем; но Паола еще этого не знала и с безучастностью все потевшего человека смотрела куда-то мимо экрана, мимо невероятного хаоса разгромленной центральной, мимо спокойного лица Ираиды Васильевны, почему-то все еще лежавшей на полу,

и смотрела, и смотрела, пока в это оцепенение не ворвался страшный гортанный вскрик Симоны.

Стены огромного — не в пример уютным помещениям «Арамиса» — кабинета Холяева были сплошь покрыты картами и экранами; но светился только один — не диспетчерская же, в самом деле; и на этом экране было видно, как два тяжелых буксира подтягивают «Бригантину» обратно к «Арамису». Патрульные ракеты, как мальки, стайкой шли поодаль. Вот буксиры отцепились, и Симона увидела, как Ада повела станцию на соединение с кораблем. Хорошо повела. Очень хорошо для первого раза.

Затем Холяев включил шлюзовую «Арамиса», и было видно, как маленькие киберы безуспешно пытаются навести трап, искалеченный и смятый, когда корабль американцев в чудовищном выраже стряхнул со своей спины маленькую станцию. На помощь киберам уже спешили люди в скафандрах, те самые, которые только что прибыли на «Арамис» и сняли Симону. Они подыали там возню, в которой разобраться было невозможно. Симона не стала больше смотреть и снова спросила Холяева:

— Ну, так ты дашь ракету?

Холяев постукивал карандашом по столу и, чтобы не смотреть на лицо Симоны с разбитыми лиловыми губами, смотрел на ее юбку, по которой узкий, как царапина, тянулся след крови, и думал, что кровь, наверное, и на свитере, только не видно — темный, и сказал:

— Переделась бы. Нет ракеты.

— Жуткое дело. — Симона запустила пальцы в спутанные волосы. — Ты только представь себе, Илья, сейчас же грохнут по фоностанции, и под траурный марш... Ты представляешь, услышать это по фону! Ей-богу, ты дубина, Илья, или ты просто не хочешь понять, что ребенку оказаться один на один с таким горем...

— Он там не один, — терпеливо сказал Холяев. — И притом он не просто ребенок. Он мальчишка.

— Знаю. И что мальчишки, ох, сколько могут — тоже знаю. Но я знаю также и то, что Митьке будет легче, если это скажу ему я. Или просто буду с ним тогда, когда он услышит.

— Да пойми же, — Холяев стиснул кулаки, и полированная крышка стола скрипнула под его руками, но казалось, что это нискнул кто-то, зажаты в его кулаках. — Пойми, Симона, у меня всего один «муравей», готовый к рейсу, и американцы уже запросили своих бандитов, если только они будут транспортными.

— А, ерунда какая, — отмахнулась Симона. — Пусть сами присылают специально оборудованный корабль со всякими решетками и полицией. Дай эту ракету мне. Ты же понимаешь, ты же человек. Илья, мне нужно к этому мальчику! Дай мне ракету до Душанбинского, ее тотчас же вышлют обратно.

— Не могу.

Симона встала и пошла прямо на Холяева, но между ними был большой, привинченный к полу письменный стол, и Холяев без особого восторга стал думать, что же она сейчас будет делать, но Симона просто перегнулась через стол, и вдруг взя-

ла обеими руками его голову, и, приблизив к нему свое оливково-смуглое лицо с разбитыми губами, стала говорить, не переставая, монотонно, словно ставя точку после каждого слова:

— Мне нужно на Землю, мне нужно на Землю, мне нужно...

— Черт, — сказал Холяев и, перехватив руки Симоны выше запястий, с трудом отвел их от своего лица. — Вражья баба! Через три часа пойдет грузовик, весь рейс в скафандре и семь «g». Довольна?

Симона только усмехнулась какой-то дикой усмешкой, и из ее губ сразу же начала сочиться кровь.

— Спасибо, Илья. Если что — вызовешь.

— Посиди еще, — сказал Холяев, — только молча. Сядь вон туда и протяни ноги.

Симона послушно села, и протянула ноги, и снова стала смотреть на экран. На «Арамисе», наконец, наладили трап, и вот из его дыры показалась одна фигура космонавтика, другая, и головы их были опущены, так что Симона с трудом узнавала, кто же это может быть; некоторое время никто больше не показывался, и вот, наконец, вынесли третьего. Третьим был капитан.

Симона пожала плечами и отвернулась.

Дэниел О'Брайн пришел в себя — пришел так, как будто действительно уходил куда-то очень далеко от своего тела, а вот теперь пришел обратно и влезал в свое тело, как в скафандр, — по частям, только начиная не с ног, а с головы. Прежде всего возникла тупая боль, словно огромная клешня обхватила сзади затылок. А потом, когда сквозь эту боль начали пробиваться воспоминания, перед глазами с забавной пунктуальностью поплыли кадры побега с «Арамиса», и Дэниел удивлялся, как это он с такой точностью умудрился запомнить и лихорадочную дрожь куцых рук Мортусяна, и закушенные, как у взбесившегося жеребца, губы Санти, и собственное безразличие, неожиданно и безраздельно овладевшее им, когда люк, наконец, был задраен и ощущение первой легкой удачи наполнило всех.

И тогда Санти, поняв его состояние, оттолкнул его от пульта управления и сам запустил маневровые двигатели. «Бригантина» ринулась в чудовищный вираж — Санти стряхивал с себя станцию. Но когда вслед за этим Санти врубил запуск планетарных двигателей, Дэниел вдруг понял, что сейчас «Арамис» окажется под огнем дюз, и, преодолевая навалившуюся на него тяжесть, он бросился на Стрейнджера, но тот, не отрывая рук от рычагов управления, крикнул:

— Пино!

Этот крик, хлесткий, как плетью — по собачьей спине: сопенье Мортусяна где-то сзади; и сквозь лиловую муть перегрузки — страшный удар по затылку, бросивший его в невесомость беспамятства. Последнее, что он помнил, — это смех Санти. Все, что произошло сегодня, было страшно. Но самым чудовищным был этот смех.

А смеялся Санти потому, что инструкция приказывала: в случае неизбежной опасности корабль взорвать или увести на бес-

конечность. Об этой инструкции Мортусян не знал. Поэтому Санти оглянулся на него и засмеялся.

Потом он снял ненужное теперь ускорение и заклинил рули. «Бригантина» уходила в Пространство. Но этого Дэниел уже не помнил. Не очнулся он и тогда, когда с кораблем начало происходить то, чего никогда еще не было: казалось, что он зарылся носом во что-то вязкое, словно лодка, на полном ходу врезавшаяся в илистый берег. И снова толчок и снова, и вот эти ритмичные броски назад слились в непрерывную пульсацию, и Мортусян, с ужасом глядевший на Санти, словно тот был виновником всего происходящего, понял по его лицу, что с кораблем случилось что-то сверхъестественное, с чем он не в силах справиться. На самом же деле ничего сверхъестественного не было, просто «Бригантина» тормозила в силовом поле посланных Симоной торпед.

Дэниел очнулся, когда его переносили обратно на «Арамис». Он открыл глаза и увидел себя в шлюзовой «Арамиса».

Кто-то нес его, но даже не видя кто, О'Брайн чувствовал, что это не Санти с Мортусяном, и это было хорошо: он ничему не удивлялся, хотя «Арамис» вроде бы должен был превратиться в ком сплавленного железа. Но этого каким-то чудом не произошло, боль в голове тоже утихала, и все было хорошо. Все было хорошо и чертовски спокойно, пока где-то вверху не раздался шорох поднимающейся двери, и в открывшемся прямоугольнике, как на экране фона, застыло затравленное, уже совсем не похожее на человечье личико маленькой стюардессы.

О'Брайн понял, что еще через мгновение она закричит и, расталкивая окружающих его людей, ринется к нему. Он не знал этих людей, и все же его обуял безудержный стыд перед этими людьми за то, что вот ЭТА имела право на жалость к нему, капитану О'Брайну.

Он сделал усилие и отвернулся. И тогда с другой стороны увидел настоящий экран, и на нем усталое, осунувшееся лицо Симоны. И снова он не удивился, хотя вроде бы Симона должна была быть здесь, на «Арамисе», а не где-то далеко и рядом с начальником русской станции; и снова он подумал, что все хорошо, раз эта женщина жива, и, сам удивляясь тому, что он говорит, он с трудом разжал губы и произнес:

— Я командовал кораблем до последнего момента и один несу ответственность за все, что произошло на его борту.

Гримаса отвращения пробежала по лицу Симоны, и она выключила экран.

— Все еще играет в джентльмена, — сказала она Холяеву. — Ну, скоро твой грузовик?

— Посиди, посиди, — Холяев наклонил голову, прислушиваясь к щебету, доносившемуся из фоноклипса. — Сейчас будет самое интересное — приступили к вскрытию пола в тамбурной камере. Похоже, что это действительно тайник. А до грузовика еще час двадцать.

Симона уселась и стала безучастно глядеть на экран; два

кибера на присосках кромсали титанир, с трудом отгибая тридцатимиллиметровый слой сверхпрочного сплава. Они ползли сантиметр за сантиметром, пока не наткнулись на какое-то препятствие, и начали возиться на одном месте; но тут сработал какой-то скрытый механизм, который они обнажили, и вдруг вся плоскость пола поехала вбок, и киберы испуганно подбежали к стенке и полезли на нее, присасываясь губчатыми лапками; но пол отъехал только наполовину, и в открывшемся прямоугольнике показалось что-то бесформенное, светло-желтое, слипшееся в комок, как лапша. Холяев, бледнея, потянулся к вернеру четкости, и тут этот комок зашевелился, закопошился, распался на ряд отдельных тел, и одно из этих тел — голое небольшое существо величиной с десятилетнего ребенка, на четвереньках поползло в сторону, и ноги его дрожали и расползались в стороны, и оно добралось до стены и стало беспомощно тыркаться в нее головой, ослепленное прожекторами киберов.

Симона схватилась за ворот свитера — стало нечем дышать.

Х. АЛОЕ СИЯНИЕ

Было прохладно и безветренно, и желтые кленовые листья, занесенные из соседнего леса, редкими созвездиями лежали на темно-синей посадочной площадке. Симона посмотрела на Митьку, который сидел у ее ног, обхватив побитые коленки, и вдруг поймала себя на мысли, что сама она почему-то не села рядом, и стоит сейчас, и вроде бы стесняется, как в тот раз Иранда Васильевна. Ни плаща, ни сумки не было, и она опустила прямо на траву, по-осеннему клочковатую и пожухлую.

Остаток вчерашнего дня они провели вместе. Вчера Митька плакал. Дело было в лесу, и Симона отвернулась от него и присела на пенек. Сидела она долго, вертя в руках скрипучую коробочку переносного фона. Наконец услышала за собой шорох — Митька уходил.

— Митя, — тихо и почти жалобно попросила она. — Закни мне антенну на дерево — надо с Холяевым связаться.

Этот странный, необычно мягкий голос остановил Митьку. Он вернулся, не глядя, взял тонкую синтериклоновую нить и полез на дерево. Это действительно было необходимо, потому что установить связь с космической станцией по переносному фону было делом далеко не элементарным.

«Первая Козырева» упорно не ловилась. Митька стоял, бездумно глядя на коричневую плюшку микродинамика, из которой доносился разноязыкий щебет.

— А ведь это про них, — неожиданно сказала Симона и вполголоса стала переводить. Все заокеанские станции взхлеб пе-

редавали подробности о подземных заводах (уже успели пронохнуть!) покойного (уже успели убрать!) Себастьяна Неро. Это для них «Бригантина» переправляла на Землю партии венериан; это на них получали синтетический белок, используя в качестве катализаторов неизвестные доселе соединения инертных газов, которые каким-то чудом выдыхали венериане.

— Гады, — Митька скрипнул зубами. — Вести людей, как скот...

— Венериан, — поправила Симона.

— А венериане что — не люди?

— Нет еще, — сказала Симона. — Тем и страшнее. Сейчас люди просто не позволили бы сделать с собой такое.

Митька повел плечами — еще бы! Пусть только попробовали бы. Симона чувствовала, что все это как-то отвлекает его от своего горя, и снова закрутила верньер настройки. И снова — они. Их власти разыгрывали шикарное неведение. Себастьян Неро — бизнесмен, конгрессмен, политикан, интриган, выдающийся ученый — оказался выгодным козлом отпущения. Космолетчики по сравнению с ним выглядели всего лишь мелкими козлятами. И все-таки фоны захлебывались, требуя для космических пиратов достойного конца: восстановить древний закон — и выбросить их в Пространство. Без суда и следствия, как работников, захваченных на месте преступления.

Все эти сообщения Симона прослушала спокойно — в голове не укладывалось, что сейчас возможно так — «без суда и следствия». Промелькнуло коротенькое сообщение о том, что стюардесса Паола Пинкстоун лишена права работать в системе Международной службы космоса. И это было не страшно — разумеется, частные авиакомпании наперебой начнут приглашать Паолу работать стюардессой на каком-нибудь межконтинентальном мобиле. Реклама!

Этого Симона переводить не стала — ведь она коротко, но довольно точно передала Митьке все, что произошло на станции, и ему была известна роль Паолы.

Да Митька ее и не слушал. Сил не было. Он просто чуть покачивался, сидя на корточках над плоской коробочкой фона, одуревший от горя, непривычности собственных слез и бесконечной маеты холодного вечернего леса. Он вздрогнул, когда Симона схватила вдруг фон и поднесла к губам.

— Илья, — закричала она, — Илья, «Первая Козырева», Илья! А, черт... — и она заговорила, быстро называя какие-то цифры и буквы — наверное, позывные; и фон замолчал и вдруг сказал немного удивленным мужским голосом:

— Ага, нашлась.

— Ну, что там, Илья? — спросила Симона и осторожно покосилась на Митьку — не сказал бы Холяев чего лишнего.

— Да ты что, передач не слышала? — сердито спросил голос из коробки.

— Нет, — кротко сказала Симона, потому что действительно не могла бы сейчас повторить, о чем кричали американские дикторы за несколько минут до этого.

— Так вот, они не приземлились, — Холяев засопел. — Стар-

товали сразу за твоим грузовиком и уже несколько часов пе-
реляют по самым невероятным орбитам. Я имею в виду ракету,
взявшую на борт троицу с «Бригантины»! — почти закричал Хо-
ляев.

— А экипаж этого «муравья»?.. — тихо спросила Симона.

— Американский.

Фон опять захлебнулся помехами, издали донеслось что-то
похожее на «слушай...». Симона глянула на Митьку — как там
он, можно ли еще слушать? И совсем рядом с собой увидела
недоумение, расширенные вечерней темнотой глаза мальчика.

— О чем они? — с тихим отчаяньем проговорил Митька. —
О чем они все?..

Спал палаточный городок Митькиного школьного лагеря.
Спал и Митька в самой крайней, Симононой, палатке, с головой
завернувшись в летнюю куртку, подбитую мехом россомахи.
Под головой у Симоны попискивал переносный фон. Ракета
с экипажем «Бригантины» все еще кружилась над Землей, и гор-
ластые представители американской общечеловечности хорошо
поставленными голосами зывали к пресловутой демократии,
требуя удовлетворить «волю народов всего мира»: не допустить
на Землю космических пиратов, поправших, опозоривших, пре-
давших, опустившихся, докатившихся и т. д. и т. п. Короче го-
воря, слишком много знавших. Старинный прием. Раньше это
проходило под девизом «убит при попытке к бегству». И что-
бы избавиться от космолетчиков, приходилось разыгрывать рос-
сомахиное представление по всем международным фонам под ло-
зунгом «Свободный американский народ требует».

Симона выключила фон. И не верилось, и было противно.
Митька прав, о чем они все, если погиб такой человек, как его
мама? А они о чем угодно, только не об этом.

У нас не так. О гибели Ираиды Васильевны — случайной
и совсем не героической — сообщили все фоностанции Совет-
ского Союза.

Говорили очень хорошо — без ненужных славословий, тепло,
по-человечески. И все-таки Митьке не нужно было всего этого
слушать. Потому и пришлось увести его в лес и ждать, пока
хоть немного уляжется, приутихнет.

Да вот не утихало.

Симона вынула из-под головы руку — светящийся пяточок ча-
сов повис в темноте. Полночь. День, жуткий и нелепый, как
пятый акт средневековой трагедии, миновал. Удивительно много
влезло в этот проклятый день. И каждый раз, когда что-нибудь
еще происходило, казалось — ну, это уж все. На сегодня хватит.

И снова захлебывался фон, сообщая о чем-нибудь страшном.

Вот и сейчас, всего за несколько минут до полночи, было пе-
редано сообщение о взрыве на подземном заводе. Правительст-
венная комиссия, видите ли, отправилась выяснить, что там
делали с венерианами. Кого за дураков считают? Совершенно
очевидно, что, коль скоро командир «Бригантины» имел инструк-
цию взорвать корабль при опасности разоблачения, то уж и за-
вод — самое пекло, туда и людей-то не допускали во избежание
сентиментальных сцен, а все делалось киберами, — разумеется,
такой завод не мог гостеприимно принимать любого ревизора.

Надо думать, что «правительственная комиссия» — мелкая

сошка из полупрогрессивных, безжалостно посланная на убой. Глухо ахнула цепь чудовищных взрывов — и никаких следов, и только мучительно стыдно за все человечество, хотя никогда не бывало так, чтобы виноваты были все. Но пройдут многие годы, прежде чем венериане станут людьми, и, когда они ими станут, они не сохранят имен виноватых, они скажут: это сделали люди Земли.

Мы очень много сделаем для них. Мы научим их быть такими, какими мы сами еще не вполне стали. Мы научим их быть справедливыми.

И все-таки — забудут ли они? Поймут ли все?

И кроме всех этих общих мыслей о всеземной вине и всевенернанской справедливости, подымалась нестерпимая жалость, даже не человеческая, а сугубо материнская, женская, которая возникает при мысли о гибели кого-то маленького и незащищенного.

И никакой жалости не было при воспоминании о тех, кто был повинен во всем этом. Так им и надо. Пятый акт, повинувшись классическому единству времени, места и действия, не упустил никого: мистер Неро, главный дежурный злодей, умер под одобрение публики; второстепенные злодеи-исполнители фактически обречены: в Пространство их, разумеется, не выкинут, но и в живых вряд ли оставят. Маленькая субретка, вольная или невольная их пособница, наказана пожизненным одиночеством. Справедливость торжествует. Занавес.

Над всем этим можно слегка поиронизировать.

Пока не застонет по-взрослому во сне Митька, свернувшийся клубочком под лохматой летной курткой.

Мы создали космические станции. Мы летаем на Венеру, Марс, и вообще к черту на рога и даже дальше. Как Николай. Да что там говорить — коммунизм построили. Пока, правда, он не на всей планете. Мы так многое смогли. Но что могу сделать я для этого мальчика? Взять на руки, и качать, и греть своим теплом. И все.

Симона шумно вздохнула, тяжело, как тюлениха, перевернулась на другой бок.

Проснулась она от шороха занудного осеннего дождя. Митька смотрел из-под куртки раскосыми маминими глазами.

— А вы ведь голодная, тетя Симона, — сказал мальчик, и Симона поняла, что за эту ночь все самое больное он запрятал так глубоко, что чужими руками уже не дотронешься.

— Ничего, — ответила она, — до завтрака дотерпим.

Верх наспех натянутой палатки захлопал — подымался ветер. Тучи провисли над самой землей, лопнули и стали расплзаться. В трещинах заалел рассвет. Митька вылез из палатки и подставил голые плечи последним каплям дождя.

Когда он вернулся, Симона сидела, положив подбородок на колени.

— Ракета приземлилась, — сказала она, — ракета приземлилась, и экипажа «Бригантины» на ней нет. Выбросили.

Митька бездумно пожал плечами: так им и надо. Симона тоже не сомневалась, что это по заслугам, в конце концов сами знали, на что шли. Не давало покоя другое, и Симона уже крутила фон, выжимая из него все возможное и невозможное.

— Диспетчер... — и снова цифры и буквы, скороговоркой, так что не разобрать. — Диспетчер... Шарль? Дай мне «Арамис». Я должна... Что? Я — это я. Ага. М-м. Давай «Арамис», тебе говорят!

«Арамис» посвистел, погукал и вдруг ответил мужским голосом. Это было так непривычно, что Симона даже головой помотала.

— Аду, — сказала она. — Аду Шлезингер.

Передача вдруг стала на редкость чистой, было даже слышно, как Ада, стуча каблуками, подходит к фону.

— Что с Пашкой? — закричала Симона, не дожидаясь, пока Ада озвучится первой.

— Улетела, — немного помолчав, спокойно проговорила Ада.

— Как?..

— Подвернулся попутный «муравей», и улетела. Она ведь у нас больше не работает.

— Ты с ума сошла! Неужели нельзя было ее задержать до моего прилета...

— Буду я такую удерживать! — красивым, чуть грустящим голосом звонко сказала Ада.

Симона выключила фон.

— Дура, — негромко проговорила она, — дура, смазливая кукла. Ты не знаешь, Митька, когда над вами пройдет транс-континентальный?

— В пять пятьдесят, кажется.

— Сбегай к щиту обслуживания, закажи спуск.

Митька сидел на краю взлетной, завернувшись в Симонину куртку и выставив коленки.

— А это обязательно — улететь сегодня? — неожиданно спросил он.

Симона на какой-то миг помедлила — что ответить; но Митькин взгляд был короток — он был даже короче протянутой руки, и под этим взглядом Симона снова подумала, как же легко с этим мальчишкой — только говори правду, одну только правду, чтобы потом и в воспоминании нельзя было бы отыскать ни одной крупинки лжи; и она ответила:

— Обязательно.

И вдруг почувствовала, как своим отлетом она отнимала у него последнюю крупинку реального существования его мамы.

И Митька это понял.

— Теть Симона, — сказал он, и голос его непрощено задрожал: — Но ведь могло же, могло быть все как-то по-другому?

— Да, — ответила Симона, — могло. Это был случайный удар. Нелепо так. Кажется, об угол регенератора.

— А разве мама была не у пульта?

— Нет, — сказала Симона, — она и Ада только успели вбежать.

Глупый, ох, какой глупый! Героическая смерть у пульта станции. А может, не стоит — что об угол регенератора, и прочий натурализм? Мальчишка все-таки, ему нужно сказать: «При исполнении служебных обязанностей, на своем посту...»

Митька вовсе лег на живот, ткнулся носом в траву и тихим, отчаянным голосом проговорил:

— Ну как же это, тетя Симона, что мамы нет? Что совсем-совсем ее нет? Ну что-то должно остаться?

Симона неслышно подвинулась ближе, но не стала ни трогать, ни гладить; она и сама толком не знала — что осталось; такое ведь только чувствуешь.

Мобиль запаздывал, и солнце вставало из-за края посадочной площадки, как из синего моря; огненный диск его был не поутреннему багров и неослепительен; полосы рваных туч, нависая над ним, придавливали его к земле, и, не зная времени, трудно было бы сказать, что это — восход или закат.

— «...и на том месте, где оно закатилось, — тихо прочитала Симона, — так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сиянье стоит еще недолгое время над потемневшей землей...»

— Спокойно? — Митька взвился на месте, лицо его совсем почернело.

Симона прикрыла глаза, представила себе сейчас Паолу... Или то, что осталось от Паолы. Нет, рано еще об этом говорить Митьке. Он по-звериному сверкнет глазами и снова скажет: «Так ей и надо».

Из-за леса вынырнул мобиль.

Симона тяжело поднялась.

— Симона... — сказал Митька и вдруг запнулся, потому что вдруг обнаружил, что не знает ее отчества. Но он упрямо мотнул головой и продолжал: — Возьмите меня с собой. На станцию. Я буду вместо этой... Пинкстоун. Были же юнги на кораблях. Вот и я... пока не пришлют замену — я буду как юнга. А? Теть Симона, вы возьмите меня.

Симона и так понимала, что он прав, и стиснула зубы, и сказала:

— Учись, дурак, вот тебе дело.

А Митька посмотрел на нее, как на чужую, и Симона поняла, что он сейчас вот так уйдет, и сказала:

— Вот они рядом — пять часов полета. А на станции и вообще бок о бок. А что они не живут, как люди? Что они не скинут всяких там лысых Неро? Завоевывать их территорию, насаждать силой свои порядки мы не станем, мы, братец, коммунисты. Ну можешь ты сказать, что бы ты сейчас стал делать? — Митька молчал. — Так вот ты учись. И думай-думай-думай. Может, и додумаешься.

Митька поковырял носком сандалии землю, сказал уже совсем тихо:

— Это вы все только говорите. А сами вы на моем месте — вот вы, что бы вы делали?

«Ну, это уже легко, — подумала Симона. — Как это легко — говорить с человеком».

— Я бы собрала ребят, выкрала ракету и перехватила этого «муравья» с американскими космолетчиками. Пусть они убийцы и работоторговцы, и все-таки их надо было судить. Вот так.

У Митьки загорелись глаза.

— Так, тетя Симона...

— Поздно, — сказала Симона. — Они же передали, что разговор приведен в исполнение.

Мобиль, тихонько ворча, подполз к ним и остановился в полтора метра. Казалось, еще немного, и он подтолкнет их своим носом: пора, мол.

Симона протянула руку:

— Салюд, человек.

Митька ничего не сказал, только пожал протянутую ладонь так, что даже Симоне стало больно.

Мобиль качнулся, когда Симона, пригнувшись, влезла внутрь, и резко взмыл вверх. И пока сквозь прозрачную стенку корабля были видны фигуры сидевших там людей, Митька отчетливо видел Симону — она была слишком большая, чтобы ее можно было с кем-нибудь спутать.

